

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

ISSN 2336-2642
MK ČR E 22424

Paradigmata Poznání

№ 4, 2021

ZAKLADATELÉ
Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a společenských věd

Šéfredaktorka – doc. Ilona G. Dorošina,
CSc. (kandidát věd v oboru psychologie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **V. Boicov**, DrSc. (profesor v oboru informační systémy – Riga, Lotyšsko)
M. Banasik, Ph.D. (doctor v oboru humanitní vědy – Varšava, Polsko)
B. Ivanovská, Ph.D. (doktor v oboru sociologie – Varšava, Polsko)
doc. PaedDr. **V. Hajkova**, (docent v oboru pedagogike – Praha, Česká republika)
doc. **M. Kamp**, Ph.D. (doktor v oboru historie – Wyoming, USA)
PhDr. **E. Kašparová** (doktor v oboru sociologie – Praha, Česká republika)
prof. **N. G. Khayrullina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Tjumeň, Rusko)
doc. **L. Krejčová**, Ph.D. (docent v oboru psychologie – Praha, Česká republika)
prof. **P. N. Kobets**, Ph.D. (profesor v oboru právo – Moskva, Rusko)
prof. **A. V. Korotayev**, Ph.D. (profesor v oboru historie – Moskva, Rusko)
U. R. Kušaeu, Ph.D., (doktor v oboru filosofie – Taškent, Uzbekistán)
prof. **N. V. Miťjukov**, Ph.D. (profesor v oboru stavitelství – Iževsk, Rusko)
prof. PhDr. **D. I. Ruziyeva** (profesor v oboru pedagogike – Taškent, Uzbekistán)
doc. PhDr. **M. Sapík**, Ph.D. (docent v oboru filosofie – Kolín, Česká republika)
T. Sigmund, Ph.D. (doktor v oboru filosofie – Praha, Česká republika)
doc. PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (docent v oboru politologie – Kutná Hora, Česká republika)
M. Szuppe, Ph.D. (doktor v oboru historie – Ivry-sur-Seine, Francie)
doc. **S. N. Šumakova**, Ph.D. (docent v oboru uměnovědy (Charkov, Ukrajina)
prof. Ing. **J. Tancošová**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Bratislava, Slovensko)
doc. **A. N. Vernigora**, CSc. (docent v oboru biologie – Penza, Rusko)
prof. **G. Ts. Velkovska**, PhDr. (profesor v oboru ekonomie – Sofia, Bulharsko)
RNDr. **P. Zamarovsky**, (doktor v oboru přírodní vědy – Praha, Česká republika)

Recenzenti

doc. **Michail A. Antipov**, CSc. (docent v oboru filosofie – Penza, Rusko)
doc. **Yuriy V. Dragnev**, CSc. (docent v oboru pedagogike – Lugansk, LLR)
doc. **Diana V. Efimova**, CSc. (docent v oboru psychologie – Penza, Rusko)
doc. **Natalia V. Osipová**, CSc. (docent v oboru sociologie – Penza, Rusko)
Yulia G. Fateeva, CSc. (kandidát věd v oboru filologie – Volgograd, Rusko)

Interdisciplinární vědecký časopis «Paradigmata poznání» publikuje společensko-humanitární, technické a přírodní vědy

Časopis je indexována podle:

- Russian Science Index (Rusko)
- Global Impact Factor (Australia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Cite Factor (Canada)
- General Impact Factor (Indie)
- Scientific Journal Impact Factor (Indie)

Impact Factor:

- Global Impact Factor – 0,915

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2021.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2021.

ISSN 2336-2642
MK ČR E 22424

Paradigms of knowledge

№ 4, 2021

THE FOUNDERS
The science publishing center
«Sociosphere-CZ»,
Academia Rerum Civilium –
University of Political and Social Sciences

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor

International editorial board

prof. **V. Boicov**, DrSc. (Information Systems – Riga, Latvia)
M. Banasik, Ph.D. (Humanities – Warsaw, Poland)
B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland)
assistant professor PaedDr. **V. Hajkova**, (Education – Prague, Czech Republic)
associate professor **M. Kamp**, Ph.D. (History – Wyoming, USA)
PhDr. **E. Kashparova**, (Sociology – Prague, Czech Republic)
prof. **N. G. Khayrullina**, Doctor of Sociological Sciences, (Tyumen, Russia)
assistant professor **L. Krejcova**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic)
prof. **P. N. Kobets**, Doctor of Law, (Moscow, Russia)
prof. **A. V. Korotayev**, Doctor of History, (Moscow, Russia)
U. R. Kushaev, DrSc. (Philosophy – Tashkent, Uzbekistan)
prof. **N. V. Mityukov**, Doctor of Technical Sciences, (Izhevsk, Russia)
prof. **D. I. Ruziyeva**, Doctor of Pedagogical Sciences (Tashkent, Uzbekistan)
assistant professor PhDr. **M. Sapik**, Ph.D. (Philosophy – Kutná Hora, Czech Republic)
T. Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic)
assistant professor PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (Politology – Kutná Hora, Czech Republic)
M. Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France)
assistant professor **S. N. Shumakova**, PhD in Arts (Kharkov, Ukraine)
prof. Ing. **J. Tancosova**, Ph.D. (Economics – Bratislava, Slovakia)
assistant professor **A. N. Vernigora**, Candidate of Biological Sciences (Penza, Russia)
prof. **G. Ts. Velkovska**, PhDr. (Economics – Sofia, Bulgaria)
RNDr. **P. Zamarovsky**, (Nature Sciences – Prague, Czech Republic)

Reviewers

Mikhail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor (Penza, Russia)
Yuriy V. Dragnev, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor (Lugansk, LPR)
Diana V. Efimova, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Natalia V. Osipova, Candidate of Sociological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Yulia G. Fateeva, Candidate of Philological Sciences (Volgograd, Russia)

Interdisciplinary scientific journal «Paradigmata poznání»
publishes articles socio-humanitarian, technical and natural sciences

The journal is indexed by:

- Russian Science Index (Russia)
- Global Impact Factor (Australia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Cite Factor (Canada)
- General Impact Factor (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)

Impact Factor:

- Global Impact Factor – 0,884

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2021.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2021.

FILOZOFICKÉ VĚDY

Мартьянова Е. Г., Чеснова Е. Н.

Трансформация современного мировоззрения (на примере религии, веры и эсхатологии) 9

Чеснова Е. Н.

Трансформация места и роли религии и религиозных феноменов в современной массовой культуре (на примере жанра постапокалипсиса) 11

FILOLOGICKÉ VĚDY

Лавринович Н. В.

Прагматические функции модально-отрицательных конструкций с семантикой отказа..... 16

PEDAGOGICKÉ VĚDY

Abiltarova E. N.

Legal and legislative factors of formation of the culture of safety of professional activity among future occupational safety and health engineers 20

Snegireva L. V.

Medical students' adaptation process dynamics: academic activity aspects 25

Вишнякова Е. А.

Применения современных компьютерных технологий в обучении иноязычной лексике в школе 28

Данько Ю. В.

Непрерывное образование педагога как составляющая профессионального роста и ответ на вызов времени 32

Караева Л. В.

Стратегия помощи как фактор эффективной учебной деятельности..... 34

Улитина К. А.

Применение онлайн-сервисов в рамках дистанционного обучения иностранному языку..... 36

Хангельдиева И. Г.

Пандемия COVID-19 и лавинообразный рост различных форматов онлайн образования 39

Шехмирзова А. М., Грибина Л. В.

Нормативно-правовая подготовка педагогов в вузе и в системе дополнительного образования 47

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

Слепцова С. А.

Эмоциональный интеллект как категория психологии личности 58

SOCIÁLNÍ VĚDY

Рахметова Р. У.

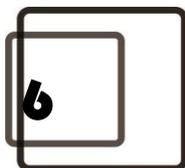
Динамика демографической структуры населения Казахстана 63

Правила для авторов..... 70

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2021 году 71

Информация о научных журналах 72

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 73

CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Martyanova E. G., Chesnova E. N.

Transformation of the modern worldview (on the example of religion, faith and eschatology) 9

Chesnova E. N.

Transformation of the place and role of religion and religious phenomena in modern mass culture (on the example of the post-apocalypse genre) 11

PHILOLOGICAL SCIENCES

Lavrynovich N. V.

Pragmatic Functions of Modal Negative Constructions with Refusal Semantics..... 16

PEDAGOGICAL SCIENCES

Abiltarova E. N.

Legal and legislative factors of formation of the culture of safety of professional activity among future occupational safety and health engineers..... 20

Snegireva L. V.

Medical students' adaptation process dynamics: academic activity aspects 25

Vishnyakova E. A.

The use of modern computer technologies in teaching foreign language lexis at school..... 28

Danko Yu. V.

Lifelong education of a teacher as a component of professional growth and answer to the challenge of time..... 32

Karaeva L. V.

The strategy of the helping as the factor of effective educative activity..... 34

Ulitina K. A.

The use of online resources in the process of foreign language distance learning 36

Khangeldieva I. G.

The COVID-19 pandemic and the avalanche growth of various formats of online education..... 39

Shekhmirzova A. M., Gribina L. V.

Regulatory and legal training of teachers at the university and in the system of additional education 47

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Sleptsova C. A.

Emotional intelligence as a category of personality psychology 58

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Rakhmetova R. U.

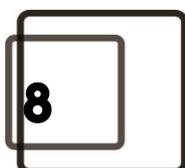
Dynamics of demographic structure of the population of Kazakhstan 63

Rules for authors.....70

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia,
Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan,
and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 202171

Information about scientific journals.....72

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»73

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
(на примере религии, веры и эсхатологии)**

Е. Г. Мартьянова

*Кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,
ORCID 0000-0002-0419-8670,
e-mail: helena183@yandex.ru,*

Е. Н. Чеснова

*кандидат философских наук, доцент,
ORCID 0000-0002-2870-5809,
e-mail: elenika.nova@yahoo.com,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия*

**TRANSFORMATION OF THE MODERN WORLDVIEW
(on the example of religion, faith and eschatology)**

E. G. Martyanova

*Candidate of philosophy, senior research,
ORCID 0000-0002-0419-8670,
e-mail: helena183@yandex.ru,*

E. N. Chesnova

*Candidate of philosophy, associate professor,
ORCID 0000-0002-2870-5809,
e-mail: elenika.nova@yahoo.com,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the transformation of the modern worldview. The main phenomena, through the prism of which the worldview is considered, are religion, faith, religious ideas, eschatology. Transformation is shown on the example of the change in the role of religious phenomena in modern society and for humans, the reflection of their place in life in mass culture, on the example of literature, comics, films, serials. The article shows that eschatology becomes part of a secular worldview, faith becomes its own spiritual, moral, cognitive attitude of a person and society, there is a shift in accents in the perception and implementation of faith, religion is undergoing the processes of digitalization and further secularization.

Keywords: faith; religion; eschatology; quasi-faith; post-apocalypse; digitalization of religion; digitalization of society; modern worldview.

В настоящее время мировоззрение претерпевает существенную трансформацию, кардинальную смену воззрений. Наиболее наглядно это можно проиллюстрировать на примере таких многогранных религиозно-философских феноменов, которые никогда не потеряют своей актуальности, важности и ценности для человека как вера и эсхатология. Помимо того, что они «находят свое

выражение в различных религиозных воззрениях, мировоззренческих системах и типах культуры» [2, с. 195], они «связаны с основами миропонимания и формированием мировоззрения, поисками конечного или предельного состояния бытия» [2, с. 195]. Важно подчеркнуть, что эсхатология в настоящее время вышла далеко за рамки мифологического, религиозного,

философского, научного мировоззрения, трансформируясь в «одну из мировоззренческих констант секулярного общества» [2, с. 195]. Эсхатология «выступает индикатором трансформации религиозности, что обусловлено актуализацией апокалипсических настроений в период глобальных цивилизационных кризисов» [1], связанных, как правило, с «периодами социальных, политических и экономических кризисов, военных конфликтов, религиозных перегруппировок, смены картины мира, изменения духовно-нравственной парадигмы общества, ценностной аномии, переосмысления смысложизненных ценностей в обществе, катаклизмов» [3, с. 145], с секуляризационными и глобализационными процессами, распространением массовой культуры, с угрозами природного, погодного, биологического, техногенного характера. На первое место выходит не только угроза биологического заражения населения опасными вирусом COVID-19, но уничтожение человеческой цивилизации. Именно угроза реальной возможности уничтожения человечества, пандемия, режим самоизоляции, количество неконтролируемых слухов очень остро всколыхнули эсхатологические представления современности и явились наглядным примером трансформации религиозного мировоззрения. Мы можем наблюдать в повседневной жизни как в условиях осознания конечности бытия, собственной смертности, обострения в связи с этим чувства страха, тревоги, депрессии, разрушения привычного уклада жизни на фоне мирового кризиса в коронавирусе многие люди увидели признак наступления «конца света» и/или Апокалипсиса, приближения глобальной катастрофы. Важно подчеркнуть, что эсхатологические настроения в период пандемии носят преимущественно нерелигиозный (светский), поверхностный, развлекательный характер и отличаются «игровым характером, склонностью

к ажиотажу, акцентом на индивидуальных переживаниях, смещением высокого значения эсхатологии в плоскость массовой культуры, что выражается в эффекте карнализации сознания, переносом эсхатологической проблематики из религиозной в социально-политическую плоскость» [1]. Более того, «сам феномен апокалипсиса был дешифрован в рамках ценностей, идеалов и образов массовой культуры. Например, идея Страшного суда, когда мертвые восстанут из могил давно трансформировалась в идею зомбиапокалипсиса, Z-апокалипсиса, вампироапокалипсиса (восстание нечисти) [См.: 2].

Вера в современных условиях становится когнитивной установкой, ядром мировоззрения, одним из способов принятия знания. Вера и сомнение становятся неотделимы. Если использовать разграничения в словоупотреблении слов «вера» в английском языке, то *faith* (религиозная вера, вероисповедание) переходит в *belief* (вера, убеждение, мнение, верование) и *quasi faith*. Принцип Неба смещается на Землю и мы имеем *faith-belief, quasi faith*. В этом большое значение сыграли процессы секуляризации, демифологизации, омассовления культуры. Религиозное переходит в светское, обмиршвляется, трансформируется с учетом веяний цифровизации религии и культуры. Религиозные символы, язык, культ и т.п., адаптируются к запросам цифрового общества, члены которого обращаются за разъяснениями непонятных мест в вероучении не к священнослужителю, духовнику, а в интернет, к интернет сообществу, задает вопросы священнослужителю в блоге, на виртуальной религиозной службе (что больше подчеркивает личный характер веры, а не коллективный опыт веры, единение в вере). Образ религии, верующего человека в классическом их выражении рассматриваются как рудименты в изме-

нившемся мире. Это можно увидеть в массовом искусстве (в фильмах, сериалах, комиксах, литературе) ориентированных на постапокалиптический жанр, фантастику, современную утопию. Например, в фильме «28 дней спустя» мы видим зараженного священника, который хочет только есть людей и все живое, в церкви горы трупов, которые когда-то были прихожанами. То же самое мы видим в книге «Новая эра Z» – образ умершей, пустой церкви, как прошлого давно утерянного мира. Если религия и вера не мертва, то происходит ее трансформация в религиозный фанатизм, «токсическую веру», фанатическую веру. Например, в 11 сезоне сериала и комиксах «Ходячих мертвецов» мы видим именно пример фанатической веры в лице религиозного харизматического лидера-психопата Поупа, который руководит бандой убийц, которые в жизни до апокалипсиса были морскими пехотинцами, военными, спецназовцами, обычными людьми. У этой банды есть свои религиозные обряды, вера, которые показывают их исключительность, избранность и обосновывают убийства ни в чем не повинных выживших людей. Примером этого служит персонаж епископского священника Габриэля Стокса из комикса и сериала «Ходячие мертвецы». Религиозная сущность, священнический сан отца Габриэля были последовательно дискредитированы, на первый план выходит его человеческие качества, светские функции руководителя в общине выживших. И если его функции священнослужителя, проведение службы, коллективной молитвы и т.п. мы можем видеть в начале трансформации персонажа, то в дальнейшем выходит на первый план то, что он может дать, сделать для общества, убить (и не только зомби, но и живых людей угрожающих его общине выживших). Мы видим человеческое измерение персонажа, тоже самое происходит и с

пониманием религии, веры, за редким исключением (например, «Пастырь», «Книга Илая»). Чаще, в особенности в постапокалиптике ориентированной на молодежь, подростков («young adult»), религия уходит совсем из жизни людей (например, цикл «Дивергент»), либо приобретает черты государственной религии и культа правителя, скатывается в опрощение мифологии (например, цикл «Голодные игры»). Вера становится собственной духовно-нравственной, когнитивной установкой человека и общества, что находит отражение в массовой культуре.

Таким образом, феномены, носившие изначально религиозный характер становятся светскими, мирскими, дешифрованными, трансформированными, квазифеноменами. Данные феномены призваны показать человеческое измерение, его высокие и низменные желания, объяснить – как может закончиться земная история, что будет после конца истории.

Библиографический список

1. Федорова М. В. Хайп-эсхатология или "игра в COVID-19": изменение религиозного сознания в эпоху глобального кризиса // Философская мысль. – 2021. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hayp-eshatologiya-ili-igra-v-covid-19-izmenenie-religioznogo-soznaniya-v-epohu-globalnogo-krizisa> (дата обращения: 22.10.2021).
2. Чеснова Е. Н., Мартьянова Е. Г. Вера, религиозность и эсхатологические настроения в условиях трансформации мировоззрения и угрозы глобальных проблем современности (на примере COVID-19) // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всероссийского научного семинара / под общей редакцией А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. – 2020. – С. 194–202.
3. Чеснова Е. Н., Якимова Е. Г. Вера и эсхатология: критериальный подход к содержанию понятий в их взаимосвязи // Научный диалог. – 2013. – № 12 (24). – С. 144–156. – С. 145.

© Мартьянова Е. Г.,
Чеснова Е. Н., 2021.

УДК 008.009:2:17.022:23/28:13:291:316.7:82-344

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕСТА И РОЛИ РЕЛИГИИ
И РЕЛИГИОЗНЫХ ФЕНОМЕНОВ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ
(на примере жанра постапокалипсиса)**

Е. Н. Чеснова

*Кандидат философских наук, доцент,
ORCID 0000-0002-2870-5809,
e-mail: elenika.nova@yahoo.com,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия*

**TRANSFORMATION OF THE PLACE AND ROLE OF RELIGION
AND RELIGIOUS PHENOMENA IN MODERN MASS CULTURE
(on the example of the post-apocalypse genre)**

E. N. Chesnova

*Candidate of philosophy, associate professor,
ORCID 0000-0002-2870-5809,
e-mail: elenika.nova@yahoo.com,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the transformation of religion and religious phenomena in the mass culture. The analysis of works of the post-apocalyptic genre, dystopias, fantasy is carried out, the characteristic features of the reflection and perception of the status, place and role of religion, religious phenomena are revealed. The classification of the perception and transformation of religion and religious phenomena and examples from the genre of post-apocalypse, fantasy, utopia are given.

Keywords: faith; religion; quasi-faith; a religious phenomenon; post-apocalypse; digitalization of religion; digitalization of society; modern worldview; mass culture; dystopia.

На современном этапе происходит изменение всех сторон жизни человека, общества, ценностных ориентаций, духовных и культурных предпочтений. В условиях процессов цифровизации происходит «обнуление», трансформация и адаптация общества, культуры, религии. Идею «обнуления» религии вводит и обосновывает М. Ю. Смирнов [См.: 2], в данном процессе исследователь видит переложение смысла термина «цифровизация», связанного с пониманием цифры в арабском языке как нуля. В самой цифровизации М. Ю. Смирнов видит «перенос в цифровую среду функций и видов деятельности, ранее непосредственно выполнявшихся

людьми и организациями» [2], это приводит к появлению новых социальных, коммуникативных практик, отношений, созданию «цифровых продуктов» (услуг), искусственного мира действующего в реальном времени. Вслед за М. Ю. Смирновым А. А. Коноплева расширяет понимание цифровизации на всю культуру и пишет о культурном «обнулении» [См.: 1]. «Обнуление» соответствует вызовам современной эпохи, накладывает свой отпечаток на восприятие реальности, мировоззрение, духовные, нравственные ценности, культурные и иные предпочтения общества и человека. Религия, религиозные феномены принадлежат культуре,

Paradigmata poznání. 4. 2021

остаются универсальными элементами мировоззрения, но закономерно трансформируются, переходя в сферу светского, личного. Вера понимается уже как *faith-belief, quasi faith*. Вера переходит из религиозной сферы в мирское пространство, становится когнитивной установкой, ядром мировоззрения, одним из способов принятия знания. Процессы секуляризации, омассовления культуры приводят к тому, что религия и религиозные феномены начинают подчиняться общим законам человеческой жизни. Что перестает функционировать, перестает отвечать потребностям человека, постепенно отмирает, меняется на подходящее интересам (религия воспринимается как «социальный костюм» человека (П. Сорокин)). Изменение статуса, места религии, религиозных феноменов, прогнозирование их дальнейшего влияния на жизнь общества и человека мы можем проследить на примере жанра постапокалипсиса в массовой культуре. Можно выявить ряд знаковых особенностей, характерных для современной массовой культуры, в частности жанра постапокалипсиса, фантастики, утопии:

1) *Образ религии, верующего человека в классическом их выражении рудименты в изменившемся мире, церковь теряет сакральный статус.* Это можно проследить в фильмах, сериалах, комиксах, литературе. Например, в фильме «28 дней спустя» (2002 г.) мы видим зараженного священника-каннибала, в церкви горы трупов, которые когда-то были прихожанами, а кто не умер либо стал зверем, желающим только утолить животный голод, либо пытается выжить, убивая себе подобных и безумных зараженных. В фильме «Обитель зла 2: Апокалипсис» (2004 г.) церковь также становится небезопасным местом, где священнослужитель, цепляясь за старую жизнь, остается с привязанным монстром, который ранее был ему дорогим человеком. Церковь это та-

кое же место борьбы и убийств, как и любое другое. В книге «Новая эра Z» (Майк Кэри, 2014 г.) мы видим образ умершей (одинокие трупы прихожан), пустой церкви, как прошлого давно утерянного мира. Люди, приходящие в церковь идут не за тем, чтобы помолиться, подумать о Боге. Церковь всего лишь место и небезопасное. В серии комиксов и в сериале «Ходячие мертвецы» (11 сезонов, с 2010 г. по 2022 г.) церковь неоднократно становится местом убийства, предательства, жестокости, а сам священник находится в страхе и одиночестве, боится принять и жить в новом мире.

2) *Трансформация в религиозный фанатизм, «токсическую веру», фанатическую веру.* Например, в 11 сезоне сериала «Ходячих мертвецов» мы видим пример фанатической веры в лице религиозного харизматического лидера-психопата Поупа и его банды убийц, которые в жизни до апокалипсиса были морскими пехотинцами, военными, спецназовцами, обычными людьми. Данная банда-община имеет свои религиозные обряды, вера, которые показывают их исключительность, избранность и обосновывают убийства невинных выживших людей.

3) *Дискредитация священнослужителя, религиозного сана.* Примером этого служит персонаж епископского священника Габриэля Стокса из комикса и сериала «Ходячие мертвецы». *Религиозная сущность, священнический сан священника были последовательно дискредитированы.* Была показана его несостоятельность как священнослужителя в реализации функций, которые у него были в мире «до». В мире «после» на первый план выходят его человеческие качества, светские функции руководителя в общине выживших. Сутана дань памяти его прежней жизни. Функции духовника, проведение службы, коллективной молитвы и т.п. мы можем видеть в начале трансформации

персонажа, то в дальнейшем выходит на первый план то, что он может дать, сделать для сообщества, убить (и не только зомби, но и живых людей угрожающих его общине выживших). Жизнь борьба, а милосердие должно быть четко отмерено и по отношению к членам своей общине выживших. Мы видим человеческое измерение персонажа, и жизнь здесь и сейчас.

4) *Религия как средство объединения и защиты, борьбы с нечистью (вампирами, зомби, душами), бандами разбойников, мародерами. Религия – это власть.* Данный вариант практического восприятия религии, веры, ценности религиозных текстов, их универсального значения мы также встречаем. Священник (пастырь) боец, который необходим для борьбы и защиты с нечистью, но его функция как рядового бойца утилитарна. Наиболее ярко это можно увидеть, например, в фильме «Пастырь» (2011 г.) мы видим тотальный контроль власти со стороны религиозной организации «Церковь», рядовые пастыри – бойцы-монахи с вампирами нужны лишь когда это необходимо, после выполнения миссии их роль была сознательно сведена на нет, чтобы избежать конкуренции с их стороны для правления. Пастыри как потерянное поколение после Первой мировой войны, практически не могут найти себя в мирной жизни. Исповедь в этом постапокалиптическом мире сведена к стандартной программе лишенной духовности. Книга «Рин» (Анастасия Бьёрн, 2017 г.) также показывает пастырей-военных, но на службе у светского диктатора и здесь также обыгрывается демонология (имена демонов носят бойцы элитного отряда, которые больше ничем не связаны с религией). Религия и утешение в книге служат средством сдерживания распространения болезни (поражения скверной), которая превращает человека в голодного зомби. Фильм «Книга Илая»

показывает три взгляда на религию и Библию. Один *взгляд утилитарный* – Библия и религия могут дать возможность руководить, править бедными, отчаявшимися, недалекими людьми, держать их в страхе. Второй взгляд – Библия *представляет культурную ценность* наравне с творениями Шекспира, произведениями Моцарта, Вагнера. Третий взгляд – *личная вера, духовная основа для правильной жизни* (сам герой Илай).

5) *Светский культ, обожествление правителя, опрощение мифологии, сакрализация науки, техники.* Данный взгляд можно увидеть в постапокалиптике ориентированной на молодежь, подростков («young adult»), например, в цикле «Голодные игры» (Сьюзен Коллинз, 2008–2010 г.) и фильмах, снятых по романам трилогии (с 2012 по 2015 г.). В символике Панема угадываются черты римского культа императоров. Сакрализация техники прослеживается в книге «Смертные машины» (Филип Рев, 2001 г.).

6) *Религия уходит совсем из жизни людей, ее просто нет. На первое место часто становится борьба за выживание, за лучшее место в обществе и т.п.* В книгах и фильмах постапокалиптического жанра, антиутопии «young adult» это прослеживается отчетливо. Мы видим чисто светское измерение. Например, цикл книг «Дивергент» (Вероника Рот, с 2011 по 2013 г.) и снятых по книгам фильмов; цикл «Пятая волна» (Рик Янси, 2013, 2014, 2016) и фильм по первой книге 2016 года; книга «Птичий короб» (Джош Малерман, 2014 г.) и фильм 2018 года; режиссерская версия фильма «Я – легенда» (2007 г.); книга «Испытание» (Жоэль Шарбонно, 2020 г.); цикл книг «Бегущий в лабиринте» (Джеймс Дэшнер, с 2009 по 2012 г., 2016 г.) и фильмов по ним (2014, 2015, 2018 г.); цикл книг «Темные отражения» (Александра Бракен, 2013, 2014,

2018 г.) и одноименного фильма, снятого по первой части цикла (2018 г.); книга «Мир юных» (Крис Вайц, 2014 г.). Также в книгах ориентированных на более широкую читательскую аудиторию: книга «Беглецы. Неземное сияние» (Блейк Крауч, 2020 г.); книги Пола Энтони Джонса «Точка вымирания» и «Исход» (2015 г.); книга «Гостья» (Стефани Майер, 2008 г.) и ее экранизация 2013 года.

7) *Личная вера, духовная основа для правильной жизни.* Пример – персонаж Илай в фильме «Книга Илая». Герой был готов умереть, но не расстаться с Библией. Библия как руководство к правильной жизни. Илай как «человек Канта» ведет жизнь в соответствии с должным. Мудрость, заключенная в книге, должна быть передана другим людям. Эту цель достигает Илай, заканчивая свой земной путь.

8) *Религия как отзвук, переоценка ценностей, кайрос.* Идея кайроса была озвучена Паулем Тиллихом. Он обозначил данным понятием состояние человека, у которого происходит тотальное изменение мировоззрения, прежние ценности рухнули, но полностью не ушли из жизни. Мысль П. Тиллиха заключается в идее: уходит Бог, но остается «божественное». Религия и вера значимы наряду с другими сторонами жизни человека, так как у человека меняются приоритеты, ценности. Также происходит больший уход религиозных феноменов в светское, мирское измерение. В этом плане мы можем найти отклик этой идее в главной установке жизни – альтруизме фракции «Отречение», любви и дружелюбии фракции «Дружелюбие» в цикле книг и фильмов «Дивергент». Отсыл к религии, но не религиозный мир книга «Z – значит Заха-

рия» (Роберт О`Брайен, 1974 г.) и ее экранизация 2015 года.

В рамках данной статьи мы показали наиболее важные, знаковые характеристики восприятия места и роли религии, религиозных феноменов в массовой культуре на примере книг, комиксов, фильмов. Можно также отдельно сделать анализ и классификацию восприятия религиозного в аниме и манга. Но это уже будет отдельное исследование. Важным можно считать, что трансформации в обществе неизбежно отражаются на культуре и мировоззрении человека. Феномены, носившие изначально религиозный характер становятся светскими, мирскими, адаптированными к новым условиям жизни и ценностей общества, квази-феноменами. Религия и религиозные феномены концентрируются на отражении человеческого измерения, на его желаниях. Принцип Неба (Бог) уходит и объектом предельного интереса становится сам человек и его мир. В том числе и как его мир будет разрушен, как будет продолжаться жизнь отдельных людей, когда общая человеческая история уйдет в небытие.

Библиографический список

1. Коноплева А. А. Феномен "обнуления" в современной культуре // Манускрипт. 2020. – Т. 13. – № 9. – С. 136–139. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43987579_60610940.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
2. Смирнов М. Ю. Цифровизация как «обнуление» религий // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2019. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kak-obnulenie-religiy> (дата обращения: 01.04.2021).

© Чеснова Е. Н., 2021.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ
МОДАЛЬНО-ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С СЕМАНТИКОЙ ОТКАЗА

Н. В. Лавринович

*Преподаватель,
ORCID 0000-0002-6464-2681,
e-mail: lanaria@tut.by,
Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка,
г. Минск, Беларусь*

PRAGMATIC FUNCTIONS OF MODAL NEGATIVE CONSTRUCTIONS WITH
REFUSAL SEMANTICS

N. V. Lavrynovich

*Teacher,
ORCID 0000-0002-6464-2681,
e-mail: lanaria@tut.by,
Belarussian State Pedagogical University
named after Maxim Tank,
Minsk, Belarus*

Abstract. The article focuses on analysing pragmatic aspects of modal negative constructions with refusal semantics in the German language on the material of literary texts. The modal verbs which are the part of modal negative constructions are established. The analysis reveals a number of pragmatic functions performed by modal negative constructions: mitigating refusal, emphasizing the emotional state of the addressee, demonstrating the persistence and finality of refusal.

Keywords: refusal; modal negative constructions; modal verbs; pragmatic functions; mitigation.

В современных условиях глобального стремления к эффективному общению изучение феномена отказа, несмотря на значительные достижения исследователей в разработке данной проблематики, не утратило своей актуальности. Напротив, «этикетный балласт», свойственный языку сегодня более чем когда-либо в прошлом [11, с. 212–213], требует глубокого и всестороннего изучения прагматического аспекта языковых средств выражения отказа с целью обеспечения наиболее успешного взаимодействия между коммуникантами в процессе общения.

В данной связи в фокусе нашего исследования находятся модально-отрицательные конструкции с семантикой отказа, под которыми, вслед за О. В. Бычихиной, мы понимаем отрицательные предикативные конструкции со значением отказа, модифицированные модальными глаголами [9, с. 69]. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что модальные глаголы, входящие в структуру модально-отрицательных конструкций, не только приносят изменения в семантику предикатной части предложения, акцентируя субъективную оценку говорящим высказываемого им содержания [10, с. 116], но

и, по мнению И. Н. Прасловой, «целиком пронизаны прагматикой» [12, с. 4]. Как следствие, исследуемые языковые средства являются одним из наиболее прагматически действенных способов реализации интенции отказа.

Целью данной статьи является выявление прагматических функций модально-отрицательных конструкций с семантикой отказа. В качестве исследовательского материала послужили 342 контекста, содержащие коммуникативную ситуацию отказа, отобранные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы.

В ходе анализа исследовательского материала установлено, что в состав модально-отрицательных конструкций с семантикой отказа входит не все многообразие модальных глаголов, которыми располагает немецкий язык. Так, были отмечены, главным образом, случаи употребления модальных глаголов *können* 'мочь, уметь', *dürfen* 'мочь, имея разрешение', *wollen* 'хотеть, желать', *mögen* в конъюнктиве II 'желать'. Благодаря дополнительной семантической нагрузке указанных глаголов модально-отрицательные конструкции актуализируют ряд прагматических функций.

В первую очередь следует обратить внимание на функцию **смягчения отказа**. Митигативное воздействие на прагматические характеристики отказа демонстрируют преимущественно модально-отрицательные конструкции, модифицированные глаголами *können*, *dürfen*. Данные модальные глаголы, сигнализируя об отсутствии возможности удовлетворить побуждение собеседника, в определенной степени обосновывают отказ и тем самым смягчают его.

Так, при употреблении модально-отрицательной конструкции с глаголом *können* адресант снижает категоричность отказа, апеллируя как к внешним, так и

внутренним обстоятельствам. Внешняя невозможность (установленный порядок, инструкции и др.) указывает на то, что причина отказа лежит вне его продуцента, что позволяет говорящему снять с себя ответственность за отказ и нивелировать конфликтность ситуации. Например: „*Ja, aber die Hausordnung muss ich erst sehen. Sie haben sicher eine hier.*“ „*Ich habe keine hier.*“ „***Dann kann ich auch nicht unterschreiben***“ [2, с. 17] '«Да, но сначала я должен ознакомиться с правилами. У Вас точно должен быть один вариант здесь». «У меня его здесь нет». «Тогда я тоже не могу подписать».'

В следующих фрагментах модально-отрицательные конструкции с глаголом *können* указывают на субъективные (внутренние) обстоятельства, в силу которых выполнение предписываемого действия невозможно. В данном случае речь идет об отсутствии необходимых способностей/ знаний у говорящего (1) либо отсутствии физических возможностей выполнить побуждение собеседника (2). Например: 1) „*Du singst, ich geh' mit Hut!*“ „***Ich kann nicht singen. Ich klinge schrecklich.***“ [4, с. 6] '«Ты будешь петь, я пройду со шляпой!» «Я не умею петь. Мой голос звучит ужасно».' 2) „*Bring' Wasser mit.*“ „***Ich kann nicht aufstehen***“, *gab ich ihm zur Antwort. „Bin gebrochen*“ [6, с. 7] '«Принеси воды». «Я не могу встать», – ответила я. «Я дико устала».'

В семантической структуре глагола *dürfen* также присутствует значение субъективно-объективной возможности, основанной, однако, на разрешении или позволении третьего лица [8, с. 19]. В сочетании с отрицанием модальный глагол *dürfen* сигнализирует, главным образом, о невозможности реализовать интенцию собеседника в силу не зависящих от его (адресанта) воли ограничений, запретов. Такие модально-отрицательные конструкции делают отказ мотивированным, обосно-

ванным, снимают резкость, безапелляционность отказного высказывания, а значит, снижают и прагматику его категоричности. Кроме того, автор отказа зачастую прямо ссылается на источник запрета. Например: „*Nun gib uns Mehl!*“ „*Ich darf nicht, Herr Major. Es ist gegen die Vorschriften!*“ [3, с. 5] «А теперь дай нам муку!» «Я не могу, товарищ майор. Это против правил.»

Данный пример демонстрирует способность модально-отрицательной конструкции *Ich darf nicht* ‘я не могу (=мне нельзя)’ к смягчению ситуации отказа. В условиях субординативных отношений коммуникант с более низким статусом отвечает отказом на приказ высокостатусного лица, что, безусловно, противоречит уставным отношениям. Тем не менее, в данном случае модально-отрицательная конструкция с модальным глаголом *dürfen* является наиболее оптимальным средством выражения отказа. С одной стороны, указанное средство подчеркивает зависимость адресанта от внешних обстоятельств, что смягчающим образом воздействует на коммуникативную ситуацию, с другой стороны, способствует конструированию четкого, однозначного и непрелюбленного отказа.

Митигативным потенциалом обладают и модально-отрицательные конструкции с глаголом *mögen* в конъюнктиве II, сигнализирующие о мягком нежелании принимать интенцию собеседника. Отказ в данном случае читается «мягче», вежливее за счет нивелирования твердости нежелания. Например: „*Komm schon, Mary, alle tun es.*“ „*Sie schüttelte schwach den Kopf.*“ „*Mike. Ich möchte das nicht tun.*“ [7, с. 20] «Давай, Мэри, все это делают». Она слегка покачала головой. «Майк. Я не хотела бы это делать.»

Следующая прагматическая функция, установленная в ходе анализа фактически-

го материала, – **демонстрация настойчивого и окончательного отказа**, которая позволяет говорящему акцентировать взвешенность и твердость своего намерения в ситуации отказа. Например: „*Mary!*“, *sagte er ruhig, nachdem er den Motor ausgeschaltet hatte.* „*Wir müssen miteinander reden.*“ „*Ich will nicht, Mike.*“ [7, с. 20] «Мэри», – тихо сказал он, выключив двигатель. «Нам нужно поговорить друг с другом». «Я не хочу, Майк.»

В приведенном выше текстовом фрагменте для актуализации упомянутой прагматической функции используется модально-негативная конструкция *Ich will nicht* ‘я не хочу’, выражающая настойчивое нежелание говорящего принимать интенцию собеседника. Модальный глагол *wollen* в силу своей семантики характеризуется способностью к «вербализации преднамеренности, осмысленности речевого действия, маркированию его не спонтанного характера» [13, с. 123], что позволяет автору отказа настойчиво обозначить окончательность своего решения.

Еще одна функция, которую реализуют модально-отрицательные конструкции с семантикой отказа, – **представление эмоционального состояния адресата**. Так, в ряде случаев модально-отрицательные конструкции с семантикой отказа могут нюансировать спектр эмоций, испытываемых говорящим в ситуации отказа:

1) удрученность, отчаяние: „*Lauft, lauft!*“ „*Ich kann nicht mehr, ich kann nicht mehr ...*“ „*Halte durch, Kumpel, halte durch, wir sind bald da...*“ [3, с. 7] «Беги, беги!» «Я больше не могу, я больше не могу ...» «Держись, дружище, держись, мы скоро будем там ...». Подобные конструкции нередко модифицируются интенсификаторами *mehr* ‘больше’, *wieder* ‘снова’ и др. и инициируют эмпатическую реакцию со стороны собеседника.

2) возмущение: „*Ich hole deine Lupe.*“ „*Ich will nicht lesen. Ich will nicht, hörst du!*“ *schrie Herr de Chamant empört.* [5, с. 6] «Я принесу тебе твою лупу». «Я не хочу читать. Я не хочу, слышишь!» – возмущенно воскликнул г-н де Шаман.’

3) раздражение, злость: „*Mach keinen Unsinn, nimm schon!*“ *Unter Aufbietung all seiner Kräfte schrie Walter ärgerlich: „Ich will nichts!“ Gott sei Dank, sie waren gegangen* [1, с. 419]. «Не занимайся ерундой, бери!» Изо всех сил крикнул раздраженно Уолтер: «Я ничего не хочу!» Слава Богу, они ушли.’

В данном контексте модальный глагол *wollen* в сочетании с отрицательной частицей *nichts* ‘ничего’ реализует категоричный, эмоционально-заряженный отказ. Адресант выражает при этом свое раздражение, оказывает психологическое давление на собеседника, особенно в сочетании с восклицательной интонацией.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что модально-отрицательные конструкции с семантикой отказа характеризуются определенной прагматической вариативностью. На основании проведенного анализа были выявлены следующие прагматические функции исследуемых средств выражения отказа: смягчение отказа (митигативная), акцентирование эмоционального состояния адресанта, демонстрация настойчивости и окончательности отказа.

Результаты данного исследования могут быть использованы в практике преподавания немецкого языка, способствуя при этом повышению культуры речи обучающихся, а также в теоретических курсах по лингвистической прагматике, в курсах по межкультурной коммуникации.

сах по лингвистической прагматике, в курсах по межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Bredel W. Die Enkel. – Moskau : Verlag für fremdsprachliche Literatur, 1956. – 626 S.
2. Fallada H. Wer einmal aus dem Blechnapf frisst. – Berlin : Aufbau Verlag, 2010. – 583 S.
3. Holeman L. Smaragd Vogel. – RM Buch und Medien Vertrieb GmbH, 2005. – 543 S.
4. Morris G. Brigitte wehrt sich. – Düsseldorf : Iltis, 1952. – 227 S.
5. Nöstlinger Ch. Die Ilse ist weg. – Stuttgart : Langenscheidt, 1996. – 192 S.
6. Wintersteiner M. Helenenhof. – Heilbronn: Eugen Salzer Verlag, 1981. – 327 S.
7. Wood B. Bitteres Geheimnis. – FaM : Fischer Taschenbuch Verlag, 1993. – 234 S.
8. Балакина, А. А. Модальные глаголы немецкого языка: от этимологии к прагматике // Язык и культура. – 2011. – № 4 (16). – С.7–23.
9. Бычихина О. В. Высказывания со значением отказа: семантико-прагматический и когнитивный аспекты : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01. – Барнаул, 2004. – 216 л.
10. Ерзинкян Е. Л. Модальность как средство смягчения категоричности высказывания // Вестник Ереванского гос. ун-та языков и социальных наук. – 2019. – № 2 (27). – С. 116 – 123.
11. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия. – М. : РИПОЛ Классик, 2002. – 316 с.
12. Праслова И. Н. Семантико-прагматические особенности функционирования модальных глаголов в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Тамбов, 2002. – 176 л.
13. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. – СПб. : Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

© Лавринович Н. В., 2021.

LEGAL AND LEGISLATIVE FACTORS OF FORMATION OF THE CULTURE OF SAFETY OF PROFESSIONAL ACTIVITY AMONG FUTURE OCCUPATIONAL SAFETY AND HEALTH ENGINEERS

E. N. Abiltarova

*Candidate of pedagogical sciences,
associate professor,
ORCID: 0000-0001-9747-3303,
e-mail: elviza2008@gmail.com,
doctoral student,
Institute of Vocational Education and Training
of the National Academy of Educational Sciences
of Ukraine,
Kiev, Ukraine*

Abstract. The article examines the factors that effectively influence the process of formation of the culture of safety of professional activity in future occupational safety and health engineers. The author highlights the hierarchical structure of these factors. The legal and legislative factors of formation of the culture of safety of professional activity among future occupational safety and health engineers have been substantiated and considered in detail. It was found that legislative factors (the creation of legislative and regulatory acts on labor protection) and legal factors (responsibility for violation of labor protection requirements and rules) create the prerequisites for increasing the level of knowledge of future specialists in the field of labor protection, contribute to the formation of a high degree of legal responsibility for observance and fulfillment of the requirements of the legislation on labor protection.

Keywords: culture of safety of professional activity; vocational training; occupational safety and health engineer; factors; occupational safety culture; legal culture.

Introduction. The study of the problem of formation of the safety culture (CSPA) among future occupational safety and health engineers led to the need to consider a set of factors that affect and contribute to the effectiveness and efficiency of the research objective. We believe that a holistic and comprehensive consideration of the factors will make it possible to determine the positive dynamics of their effect on the system of formation of the CSPA among future occupational safety and health engineers and at the same time to reveal the factors that affect negatively in order to reduce and minimize their impact on the intended research result.

The results of the analysis of scientific publications show that in the pedagogical

literature there is no single approach to the classification of factors. So, among the factors contributing to the formation of legal, professional, communicative, corporate cultures, Ukrainian scientists distinguish the following: humanization and humanitarization of education; integrated content, professional identity, creation of an optimal educational environment, stimulation to self-education, spatial environment, legal education, environmental responsibility [1, 2, 3, 4, 18].

The theoretical analysis of resources allowed us to determine the factors influencing the formation of the CSPA among future occupational safety and health engineers:

- macro-level (state level) – political, legal, legislative, socio-economic;

Paradigmata poznání. 4. 2021

- meso-level (the level of a higher educational institution and organization) – technological, organizational, biomedical, pedagogical, psychological;
- micro-level (subjective) – individual personality traits, professionally important qualities, motivation for safe behavior.

Taking this into consideration, **the purpose of the article** is to substantiate the legal and legislative factors for the formation of the culture of safety of professional activity among future occupational safety and health engineers.

Results and discussion. The legislative factors are characterized by the active creation of a legislative and regulatory framework for labor protection, which is the theoretical basis for the formation of the CSPA. The main law of the Ukrainian state, the Constitution of Ukraine (1996) [8], laid down guarantees and rights of citizens to improve working conditions and health protection. Article 43 states that everyone has the right to work, decent safe and healthy working conditions, and the employment of women and minors in jobs hazardous to their health is prohibited. Articles 45, 46 ensure the rights of workers to rest, social protection, providing for their provision in the event of complete, partial or temporary disability, loss of the breadwinner.

The next law, which defines the main directions of the implementation of the political rights of citizens to protect their health and life in the process of labor activity, is the Law of Ukraine "On labor protection", adopted on 14.10.1992 No. 2694-XII, which consists of 44 articles [15]. The law, with the participation of the relevant state authorities, regulates the relations between the employer and the employee on the issues of occupational safety, hygiene and the working environment and establishes a unified procedure for organizing occupational safety and health in Ukraine.

An important legislative document regulating the labor relations of all employees, promoting labor productivity, improving the quality of work is the Labor Code of Ukraine (1971) [5]. The key elements for the formation of theoretical knowledge in the field of safety are the provisions of the labor code on the issues of collective employment agreements and labor agreements, work standardization, norms of working hours and time for rest, occupational safety, and labor regulation of women, minors and disabled people.

The following laws contributing to the formation of the cognitive base of CSPA are the following: the Law of Ukraine "Fundamentals of Legislation on Health Protection" dated 19.11.1992 No. 2801-XII [10]; the Law of Ukraine "On Ensuring Sanitary and Epidemic Safety of the Population" dated 24.02.1994 No. 4004-XII [12]; the Law of Ukraine "On Fire Safety" dated 17.12.1993 No. 3745-XII [14]; Fire safety rules in Ukraine dated 30.12.2014 No. 1417 [17]; the Civil Protection Code of Ukraine dated 02.10.2012 No. 5403-VI [7]; the Law of Ukraine "On Environmental Protection" dated June 25, 1991 No. 1264-XII [16]; the Law of Ukraine "On the Use of Nuclear Energy and Radiation Safety" dated 08.02.1995 No. 39/95-VR [11].

It should be noted that the level of safety at work depends not only on the legal framework but also on the regulatory framework, which includes state intersectoral regulations on labor protection, which apply to all enterprises, organizations, as well as state industry regulations on labor protection, the action of which extends to the enterprises belonging to a particular industry. In addition, in Ukraine, there are other types of normative and technical documentation for labor safety standards such as state standards of Ukraine, industry standards for enterprises, construction norms and rules, safety and industrial sanitation rules, and instructions. In

accordance with the order of the State Committee of Ukraine for Labor Protection Supervision No. 151 of 08.06.2004, the procedure for maintaining the state register of normative legal acts on labor protection (Register of NLALP) is introduced, representing a databank to ensure a unified record of the creation of the corresponding information fund of these acts. Thus, the considered legislative and regulatory documents constitute an important basis for the formation of the CSPA and create the prerequisites for increasing occupational safety and improving working conditions.

Legal factors include the protection of the rights and interests of employees when concluding an employment contract, in the process of labor, due to a workplace accident or occupational disease, when assigning benefits and compensations for work in harmful and hazardous working conditions, and also provide for the material, administrative, disciplinary and criminal responsibility for violation of occupational safety legislation both on the part of employees and on the part of the employer, or officials.

Thus, in the Law of Ukraine "On Labor Protection" (1992) [15] it is noted that, when concluding an employment contract, employees have the right to know about working conditions and about the presence of hazardous and harmful occupational factors at their workplaces. In the process of labor, the workplace, the equipment used, raw materials, materials, machines, mechanisms, personal and collective protective equipment must comply with regulatory requirements. An employee has the right to refuse assigned work if an industrial situation has become dangerous to his life or health or to the people around him. For work in harmful and hazardous working conditions, employees are entitled to benefits and compensation in the form of additional paid leave, reduced working hours, free therapeutic and prophylactic

diet, milk or other equivalent food products, preferential pension benefits, and paid health breaks.

In addition, by reason of damage to health or in case of death, the employee has the right to compensation for harm caused to him, carried out by the Social Insurance Fund of Ukraine in accordance with the Law of Ukraine "On Compulsory State Social Insurance" No. 1105-XIV dated 23.09.1999 [13]. Note that the designated rights of employees are reinforced by their obligations to comply with labor protection legislation. So, in accordance with Art. 14 of the Law of Ukraine "On Labor Protection" (1992) [15], employees must take care of personal safety and health, as well as the safety and health of people around, know and comply with the requirements of regulatory legal acts on labor protection, undergo preliminary and periodic medical examinations. The employee is directly responsible for the violation of these requirements.

According to Art. 44 of the Law of Ukraine "On Labor Protection" (1992) for violation of laws and other normative legal acts on labor protection, creating obstacles in the activities of officials of state supervision over occupational safety, as well as representatives of trade unions, their organizations, and associations guilty persons attracted to disciplinary, administrative, material, and criminal liability. So, in accordance with Art. 147 of the Labor Code of Ukraine (1971) [5], disciplinary liability is imposed on an employee in the form of disciplinary action (reprimand, dismissal from work). Administrative liability is applied to persons guilty of violating legislative and other regulations on labor protection, creating obstacles to the activities of officials, state supervision bodies, in the form of a monetary fine. For example, in accordance with Art. 1884 of the Code of Ukraine on Administrative Offenses No. 8073-X (1984) [6] failure to comply with

the legal requirements of officials of the central executive body that implements the state policy in the field of occupational safety to eliminate violations of occupational safety legislation or create obstacles to the activities of these bodies – is punishable by a fine on employees from six to ten non-taxable minimum incomes of citizens and on officials – from thirty to one hundred non-taxable minimum incomes of citizens. Liability includes the liability of both the employee and the employer. For example, on the basis of Art. 130 of the Labor Code of Ukraine No. 322-VIII (1971), employees are financially liable for harm caused to an enterprise, institution, organization as a result of violation of their labor duties. When imposing material liability, the rights and legitimate interests of employees are guaranteed by establishing liability only for direct actual damage and provided that such damage is caused to the enterprise, institution, organization by the culpable illegal actions (inaction) of the employee. This liability, as a rule, is limited to a certain part of the employee's earnings and should not exceed the full amount of the harm caused. Criminal liability occurs if the violation of the requirements of the legislation on occupational safety entailed a danger to the life or health of citizens (section 10 of the Criminal Code of Ukraine No. 2341-III (2001)) [9]. So, in accordance with Art. 271 violation of the requirements of legislative and other normative legal acts on labor protection by an official of an enterprise, institution, organization, or a citizen, who is a subject of entrepreneurial activity, if this violation caused harm to the victim's health, is punishable by a fine from one thousand to three thousand non-taxable minimum incomes of citizens or correctional works for up to two years, or restriction of freedom for the same period.

Summarizing the above, it is necessary to conclude that the knowledge of students in the field of the rights and obligations of em-

ployees and employers on safety issues, the types of responsibility established by law for violation of occupational safety regulations contribute to the formation of a high degree of legal responsibility for their life and health, discipline and compliance with legal requirements.

Conclusions. Thuswise, the analysis of the legislative and regulatory framework in the field of occupational safety showed that in the legal field there are serious prerequisites for improving occupational safety through the formation of the culture of safety. We see the prospect of further research in a detailed analysis and study of socio-economic factors that contribute to the effective formation of the culture of safety of professional activity.

Bibliography

1. Vovk V. O. Psykholoho-pedahohichni chynnyky rozvytku subiektnoi pozytsii maibutnoho fakhivtsia // Psykholohichni chasopys. – 2017. – № 6 (10). – S. 25–34
2. Habovda A. M., Tovkanets H. V. Osvitno-vykhovne seredovyshche universytetu yak chynnyk formuvannia profesiinoi kultury maibutnoho fakhivtsia // Naukovyi visnyk Mukachivskoho derzhavnogo universytetu. – 2017. – Vypusk 2 (6). – S. 75–78.
3. Hrybok O. P. Psykholoho-pedahohichni problemy, pokaznyky y chynnyky formuvannia zdorovoho sposobu zhyttia studentskoi molodi // Zbirnyk naukovykh prats Viiskovoho instytutu Kyivskoho Natsionalnoho universytetu imeni T. Shevchenka. – 2013. – Vyp. 43. – S. 234–242.
4. Karytka V. Ekolohichna vidpovidalnist yak chynnyk formuvannia ekolohichnoi kultury molodi // Sotsialni tekhnolohii: aktualni problemy teorii ta praktyky. – 2018. – Vyp. 79. – S. 95–101.
5. Kodeks zakoniv pro pratsiu Ukrainy : stanom 09.05.2021 r. / Verkhovna Rada Ukrainy, 2021. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/322-08#Text> (data zvernennia: 29.09.2021).
6. Kodeks Ukrainy pro administratyvni pravoporushennia vid 07.12.1984 № 80731-10. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/80731-10#Text> (data zvernennia: 29.09.2021).
7. Kodeks tsyvilnoho zakhystu Ukrainy vid 02.10.2012 № 5403-17. URL:

- <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5403-17#Text> (data zvernennia: 29.09.2021)
8. Konstytutsiia Ukrainy : stanom na 01.01.2020 r. / Verkhovna Rada Ukrainy, 2020. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text> (data zvernennia: 29.09.2021).
 9. Kryminalnyi kodeks Ukrainy vid 05.04.2011 № 2341-14. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14#Text> (data zvernennia: 29.09.2021)
 10. Osnovy zakonodavstva Ukrainy pro okhoronu zdorovia : Zakon Ukrainy vid 19.11.1992 № 2801-12. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2801-12#Text> (data zvernennia: 29.09.2021).
 11. Pro vykorystannia yadernoi enerhii ta radiatsiinu bezpeku : Zakon Ukrainy vid 08.02.1995 № 39/95-VR. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/39/95-%D0%B2%D1%80#Text> (data zvernennia: 29.09.2021).
 12. Pro zabezpechennia sanitarnoho ta epidemichnoho blahopoluchchia naseleння» : Zakon Ukrainy vid 24.02.1994 № 4004-12. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4004-12#Text> (data zvernennia: 29.09.2021).
 13. Pro zahalnooboviazkove derzhavne sotsialne strakhuvannia : Zakon Ukrainy vid 23.09.1999 № 1105-14. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1105-14#Text> (data zvernennia: 29.09.2021).
 14. Pro pozhezhnu bezpeku : Zakon Ukrainy vid 17.12.1993 № 3745-XII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3745-12#Text> (data zvernennia: 29.09.2021).
 15. Pro okhoronu pratsi : Zakon Ukrainy vid 14.10.1992 № 2694-12. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2694-12#Text> (data zvernennia: 29.09.2021).
 16. Pro okhoronu navkolyshnoho pryrodnoho seredovyscha : Zakon Ukrainy vid 25.06.1991 № 1264-XII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1264-12#Text> (data zvernennia: 29.09.2021).
 17. Pravyla pozhezhoi bezpeky v Ukraini vid 30.12.2014 № 1417. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0252-15#Text> (data zvernennia: 29.09.2021).
 18. Sherman M. I., Bezbakh O. M. Profesiina identychnist yak chynnyk formuvannia informatsiinoi kultury maibutnikh sudnovodiiv // Molodyi vchenyi. – 2014. – № 12 (15). – S. 199–203.

© Abiltarova E. N., 2021.

UDC 378.18.062:378.146

MEDICAL STUDENTS' ADAPTATION PROCESS DYNAMICS: ACADEMIC ACTIVITY ASPECTS

L. V. Snegireva

*Candidate of Biological Sciences, assistant professor,
ORCID 0000-0002-8935-0511,
snegly1@gmail.com,
Kursk State Medical University,
Kursk, Russia*

Abstract. The author has studied anxiety level of medical students with different academic activities in pedagogical diagnostics system. The study was performed throughout university adaptation process. It is shown that students' adaptation to university educational system is resulted in release of emotional discomfort in knowledge assessment procedure. Majority of sophomores are satisfied with knowledge assessment procedure results. Adaptation process completion, leading to sophomores' emotional stability, contributes to full disclosure of students' abilities and educational success, particularly in pedagogical diagnostics process. At the same time dissatisfaction with knowledge assessment results is found just for low academic activity students. It is suggested to take into account the obtained data to organize university educational process.

Keywords: adaptation process; professional education; pedagogical diagnostics; anxiety level; subjective assessment; relationship.

Educational process effectiveness depends on educational content, teaching methods and pedagogical diagnostics forms. Different aspects of educational process efficiency are studied by modern researchers. In particular, the adaptive impact of university educational environment, adaptation process dynamics for students with different academic activities.

To solve the problem, the aim of study was formulated as to determine medical students' adaptation process dynamics with regard to academic activities of examinees. The following research tasks were formulated: to study students' satisfaction with knowledge assessment procedure results; to grade students' situational anxiety levels in knowledge control procedure throughout university adaptation process; to analyze students' academic activity throughout university adaptation process.

Materials and methods. 53 medical university students were examined: 29 first-year students during the first 3 months of studies and 14 sophomores in 1,5 years of studies.

Examinees study clinical psychology in Kursk State Medical University. The anxiety level was evaluated by Spilberg-Hanin's scale. Situational (or reactive) anxiety was determined as actual respond to a stress and discomfort. It's considered as an indicator of stress intensity. Personal anxiety was considered as constitutional feature, examinee's tendency to be stressed from a wide range of situations.

To interpret the results, the following scale was used [1]: up to 30 points – low anxiety level; from 31 to 44 points – moderate anxiety level; from 45 points and more – high anxiety level.

Statistical analysis was performed with descriptive statistic that quantitatively describes or summarizes features of a collection of information. Students' academic activity was analyzed with the use of e-register. Students' satisfaction with knowledge assessment procedure results was carried out according to the author's questionnaire containing 14 questions.

Students' adaptation to university educational system is resulted in release of emotional discomfort in knowledge assessment procedure. 14 % of sophomores are not stressed anymore in pedagogical diagnostics process (in comparison with 3 % of first-year

examinees, figure 1). Just low motivated first year students with poor academic results escaped from extra anxiety in knowledge control procedure. For the second year, already high academic activity examinees are not stressed in pedagogical diagnostics system.

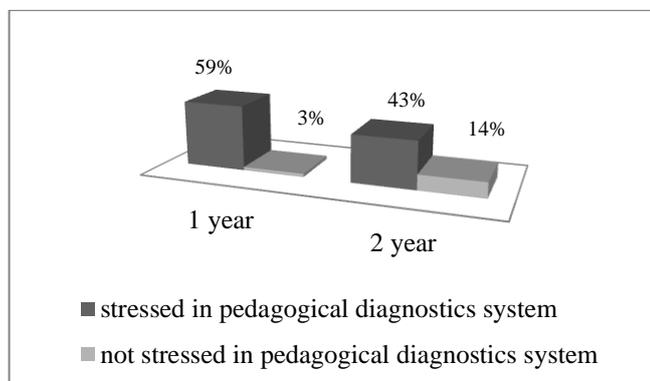

Figure 1. Medical faculty students distribution according to their situational anxiety level (compiled by the author)

This fact is confirmed by the following research data: 21 % of sophomores are satisfied with knowledge assessment procedure results. Satisfaction is found just for high academic activity examinees. At the same time 14 % of sophomores are dissatisfied with pedagogical diagnostics results (in comparison with 28 % first year students). Half of dissatisfied first-year examinees were high academic activity students. For second year, dissatisfaction with knowledge assessment results is found just for low academic activity students. At the end of adaptation process, 64 % of sophomores are partially satisfied with pedagogical diagnostics results (in comparison with 52 % of first-year examinees). Two-thirds of not fully satisfied first-year students had high enough academic results, but adaptive emotional stress was decreasing their educational potential. Mismatch of examinees' abilities, talent, efforts in getting pro-

fessional skills with knowledge assessment results, made them to develop educational activity. In contrary, just a fifth of partially satisfied sophomores are represented by high academic activity examinees. Adaptation process completion, leading to sophomores' emotional stability, contributes to full disclosure of students' abilities and educational success, particularly in pedagogical diagnostics process.

Bibliography

1. Батаршев А. В. Базовые психологические свойства и самоопределение личности: Практическое руководство по психологической диагностике. – СПб.: Речь, 2005. – С. 44–49.
2. Снегирева Л. В. Изучение объективных и субъективных проявлений адаптации у студентов-первокурсников медицинского вуза // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 92–95.
3. Снегирева Л. В. Электронное обучение как инструмент развития способностей студентов

- к обобщению // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 6-2. – С. 416–420.
4. Тарановская М. М., Шушара Т. В. Инновационные технологии обучения в высшей школе // Наука и образование: новое время. – 2018. – № 6 (29). – С. 938–946.
 5. Юсупов С. А. М. Научные основы педагогического диагностирования // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2018. – № 2 (55). – С. 259–265.

© Snegireva L. V., 2021.

ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ В ШКОЛЕ

Е. А. Вишнякова

*Кандидат филологических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-3133-9587,
e-mail: vishnyalis@yandex.ru,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия*

THE USE OF MODERN COMPUTER TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE LEXIS AT SCHOOL

E. A. Vishnyakova

*Candidate of philology, associate professor,
ORCID 0000-0003-3133-9587,
e-mail: vishnyalis@yandex.ru,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia*

Abstract. Today, knowledge of a foreign language is an integral part of human communication. At the same time, the most significant role in the process of foreign language teaching is played by the use of information and communication technologies, which are technical, software and hardware devices and means based on computing microprocessor technology, as well as modern systems and means that transmit information and are used for information exchange and ensure the collection, accumulation, production, storage, transmission of information and access to information resources in global and local computer networks.

Keywords: education; information and communication technologies; Internet resources; foreign language; communication.

На сегодняшний день знание иностранного языка является неотъемлемой частью человеческого общения. При этом наиболее значимую роль в процессе обучения иностранным языкам в условиях перехода к компетентному подходу играет использование информационно-коммуникационных технологий, которые представляют собой технические, программные и программно-аппаратные устройства и средства на базе вычислительной микропроцессорной техники, а также современных систем и средств, транслирующих информацию и используемых для информационного обмена и обеспечивающих сбор, накопление, продуцирование, хранение, передачу инфор-

мации и доступ к ресурсам информации в глобальных и локальных компьютерных сетях.

Использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в обучении английскому языку представляют эффективное педагогическое средство для формирования коммуникативных навыков и изучения другой культуры. Благодаря использованию ИКТ происходит ускорение процесса обучения, повышается к предмету интерес учащихся, улучшается качество усвоения информации и материала, снижается субъективность оценки и индивидуализируется обучающий процесс. Обучение иностранному языку представляет собой обучение уме-

нию общаться, коммуникативной деятельности. Наиболее важным компонентом в любом виде речевой деятельности является лексика средств языка. В письменной речевой деятельности – письма и чтения; в устной – говорения, аудирования. Для речи лексика является содержательной стороной и строительным материалом. В развитии речевых умений основной предпосылкой выступает владение лексикой. Поскольку возможность использования языка в коммуникативной функции ученик получает в первую очередь на уроках, то педагогу необходимо делать акцент на поиск возможностей усовершенствования уроков иностранного языка в целях повышения их эффективности. Таким образом, при повсеместной компьютеризации, происходящей в настоящее время, наиболее актуален вопрос, связанный с использованием компьютерных технологий для формирования лексических навыков.

Посредством изучения иностранного языка у школьников развивается умение использовать иностранный язык на практике и коммуникативная культура. Выбор методов для подачи изучаемого материала, дающего возможность проявления каждым школьником активности и творчества, представляет задачу педагога. В последнее время достаточно часто поднимается вопрос, связанный с применением в средней школе новых информационных технологий, к которым относятся и новые технические средства, и новые методы и формы обучения, и новый подход к вовлечению в процесс обучения школьников.

Информационно-коммуникационные технологии, в соответствии с определением в словаре «Педагогический обиход», – это средства и методы преобразования информации для получения информационного продукта (информационных данных нового качества) [4, с. 28].

Ученые-методисты: Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н., Полат Е. С., Беспалько В. П., Селевко Г. К. и др., уделяют особое внимание проблемам, связанным с применением в процессе обучения иностранного языка современных учебных Интернет-ресурсов. Технологические возможности позволяют создавать реальную языковую среду для учащихся, за счет реального общения в режиме реального времени или в отсроченном режиме с носителями изучаемого иностранного языка.

Использование компьютера позволяет также оптимизировать работу учителя, так как у него нет возможности принести в школу все предметы, которые необходимы в учебном процессе, а их визуальное представление потребует много времени.

ИКТ реализуются через ряд следующих цифровых образовательных ресурсов: мультимедийные курсы, мультимедийные презентации в программе PowerPoint, обучающие программы на CD-ROM и готовые мультимедийные продукты, учебные Интернет-ресурсы, видео ресурсы, электронные словари [2].

В настоящее время также широко используются мультимедийные курсы и готовые мультимедийные продукты. Под термином «мультимедиа» обозначается «множество сред». В качестве таких информационных сред выступают: текст, звук, а также видео. Мультимедийными называются программные продукты и курсы, которые используют все данные формы представления информации. Электронные учебные пособия и мультимедийные системы представляют толкование исследуемого явления, его демонстрацию и моделирование в такой последовательности, которая определяется системой. Обычно в пособия этой категории включается: изложение материала, который подлежит изучению; демонстрация этого материала; практика применения,

где от ученика требуется выполнить ряд заданий.

Наиболее распространенным при использовании ИКТ в сфере обучения способом являются обучающие программы и готовые мультимедийные продукты на CD-ROM. Такие программы содержат готовые учебные курсы с упражнениями для закрепления изученного материала, который представлен включающими теоретический и практический раздел интерактивными упражнениями, в соответствии с обязательным минимумом содержания образования по изучению английского языка. Во время урока данные программы могут применяться как дополнительные. Программа также может обеспечивать обратную связь во время определенных операций: отмечается успех учащегося, при необходимости выдаются уведомления [1, с. 73].

В процессе совершенствования и формирования лексических навыков на всех этапах рекомендуется применять компьютерные обучающие программы. Среди популярных обучающих программ можно выделить мультимедийные курсы «Профессор Хиггинс. Английский без акцента», «Английский. Путь к совершенству», «Bridge to English». Программы включают в себя упражнения по грамматике, лексике, фонетике, сведенные в целостную систему обучения легкую для работы [3, с. 25]. Упражнения по формированию лексических навыков предлагаются в компьютерном курсе «Learn to Speak English» например, vocabulary (словарь) – базовый этап урока, который включает расположенные в алфавитном порядке слова, которые присутствуют в теме изучения. Данные упражнения расширяют активный словарный запас по теме изучения. Внимательное ознакомление с таким словарем, чтение предлагаемых к словам комментариев, просмотр иллюстраций слов, прослушивание их звучания, уточнение слова,

используя англо-русский словарь позволяет успешно осваивать тему.

Один из важных ресурсов обучения лексике на уроках английского языка представляют электронные словари, являющиеся содержащей закодированные словарные статьи, способствующие быстрому поиску необходимых слов, их сочетаний, изменению направления перевода (к примеру, англо-русский либо русско-английский) компьютерной базой данных. При работе с лексическим материалом, при выполнении заданий по письму и чтению словари наиболее востребованы, также их используют в аудировании и говорении. В электронных словарях сочетается поиск необходимой информации, демонстрация языковых шаблонов и возможность освоения материала по специальной системе обучения. Для воспроизведения произношения во всех современных электронных словарях применяются мультимедийные средства. Для перевода нескольких словарных единиц можно использовать on-line словари, которые также помогают выполнять упражнения по обучению чтению.

Видео материалы являются прекрасным дополнительным инструментом при формировании иноязычного лексического навыка, так как они максимально приближены к внеязыковой реальности. Видео включает в себя зрительные образы и нужный аудиоматериал, что делает процесс обучения эффективным и легким.

Таким образом, современный учитель английского языка должен хорошо ориентироваться в огромном количестве Интернет-ресурсов, которые, обеспечивают овладение лексическим навыком в единстве с культурой его носителей, что в значительной степени может облегчить работу учителя, повысить эффективность обучения, улучшить качество преподавания [2]. Среди примеров, кроме названных

выше форм ИКТ, можно назвать известные телевизионные викторины Weel Of Fortune (русское «Поле Чудес»), Jeopardy (в русской версии «Своя игра»), Super Text Twist, Bookworm, Word Slinger; On-line версии произведений известных американских и английских писателей; топики по различным темам, on-line тесты разных уровней. Интернет-ресурсы на уроке английского языка обеспечивают быстрый доступ к необходимой информации, активизируют познавательные навыки, наглядно представляют изучаемый материал, способствуют самостоятельной работе, отработке коммуникативных навыков, развитию межкультурной компетенции, развитию самообразовательной активности.

Библиографический список

1. Белкова М.М. Информационные компьютерные технологии на уроках английского языка // Английский язык в школе. – 2012. – № 3. – С. 73–75.
2. Сысоев П.В. Дидактические свойства и функции современных информационных и коммуникационных технологий // Иностранные языки в школе. – 2012. – № 6. – С. 12–21.
3. Телицина Т. Н. Использование компьютерных программ на уроках английского языка // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 2. – С. 25–35.
4. Словарь педагогического обихода / под ред. Л. М. Лузиной [и др.]. – Псков: ПГПИ, 2003. – 71 с.

© Вишнякова Е. А., 2021.

УДК 378.046.4

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПЕДАГОГА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА И ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

Ю. В. Данько

*Аспирант,
e-mail: bonifacius-zs@yandex.ru,
ORCID 0000-0001-5958-9866,
Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Республика Крым, Россия*

LIFELONG EDUCATION OF A TEACHER AS A COMPONENT OF PROFESSIONAL GROWTH AND ANSWER TO THE CHALLENGE OF TIME

Yu. V. Danko

*Postgraduate student,
e-mail: bonifacius-zs@yandex.ru,
ORCID 0000-0001-5958-9866,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Republic of Crimea, Russia*

Abstract. This paper notes the features of the teacher's lifelong education as components of the deepening of professional competence and also shows the structure and stages of lifelong education. The paper confirms that its the main goal is professional development as well as the implementation of professional activities in accordance with the requirements and realities of the time.

Keywords: lifelong education; pedagogy; levels of education; self-education; professional competence; pedagogical skills.

Введение. Педагог, как и любой другой субъект общественной деятельности, должен заботиться о своем профессиональном и личностном развитии [1] в рамках самообразования, что в условиях глобализации образования повышает требования к профессиональной подготовке как начинающего, так и практикующего педагога. Именно здесь мы говорим о роли непрерывного образования как актуальной задачи настоящего времени.

Основная часть. Существуют различные способы повышения уровня образования и его качества для педагога.

Прежде всего, исходный уровень образования соответствует определённым компетенциям и в зависимости от сферы деятельности может быть признан либо соот-

ветствующим, либо нет. Например, выпускник-бакалавр по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» имеет достаточные компетенции для работы в системе среднего общего или профессионального образования, но недостаточные для высшей школы и научно-исследовательской деятельности (именно по уровню образования). И даже если его профессиональные компетенции будут совершенствоваться в рамках самообразования как методически, так и практически, это не приблизит его к исследовательской, научной деятельности или преподаванию в высшей школе. В этом случае требуется повысить уровень образования. Если же уровень образования достаточно, на первое

место выходит повышение его качества (сюда можно включить различные программы повышения квалификации, семинары, международные экзамены). Но прежде всего, условием профессионального развития педагога является осознание необходимости повышения собственной компетентности [1], то есть самообразование или саморазвитие в узкой сфере.

Рассмотрим путь непрерывного образования педагога иностранного языка.

1. Общее правило: педагог определённого предмета (учитель-предметник) готовится в вузе по программам высшего образования (для иностранного языка это педагогика или языкознание по профилям 44.00.00 и 45.00.00).

2. Обучение в вузе имеет несколько уровней: бакалавриат (базовый), специалитет (профильный, углублённый; только 45.05.01 по переводоведению), магистратура (углублённый, исследовательский) и аспирантура (высший, научно-исследовательский).

3. Исходный уровень образования (образовательный ценз): в системе среднего общего, среднего специального и дополнительного образования – не менее бакалавриата, в системе высшего образования (высшей школы) – не менее специалитета/магистратуры/аспирантуры и наличия учёной степени для должностей доцента и профессора.

3. Профессиональная практика: в системе среднего общего, среднего специального и дополнительного образования – получение первой и высшей категорий, а также дополнительных категорий педагог-методист и педагог-наставник согласно установленным критериям; в высшей школе – получение учёной степени, а так-

же званий доцента и профессора согласно установленным критериям.

4. Саморазвитие. В системе среднего общего, среднего специального и дополнительного образования включает все программы повышения квалификации и профессиональной подготовки, изучение методической литературы, участие в семинарах, вебинарах, мастер-классах, конкурсах, подготовку методических разработок, открытых уроков, ведение портфолио своих достижений (с приложенными сертификатами); в системе высшего образования – участие в конференциях, научных форумах, подготовка научных докладов, статей, монографий, методических пособий, учебников, направленных на достижение качественных результатов, независимая оценка своих достижений по системам наукометрических баз.

Однако в качестве основной цели непрерывного образования рассматривается происходящее в течение всей жизни обогащение творческого потенциала личности [2].

Закключение. Важнейшей задачей непрерывности образования педагога является повышение уровня имеющегося образования или повышение качества профессиональной деятельности в целях соответствия современным стандартам.

Библиографический список

1. Балева В. В. Профессиональное развитие педагога в рамках непрерывного образования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – Т. 2. – № 1.
2. Умникова Е. Л. Профессиональное развитие педагогов в системе непрерывного образования // Образование и наука. – 2009. – № 6-2.

© Данько Ю. В., 2021.

СТРАТЕГИЯ ПОМОЩИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л. В. Караева

*Педагог дополнительного образования,
e-mail: lara0066@mail.ru,
Гимназия № 1 муниципального образования,
г. Ноябрьск, Ямало-Ненецкий АО, Россия*

THE STRATEGY OF THE HELPING AS THE FACTOR OF EFFECTIVE EDUCATIVE ACTIVITY

L. V. Karaeva

*The pedagogue of the additional education,
e-mail: lara0066@mail.ru,
Gymnasium № 1 of the municipal education,
Noyabrsk,
Yamalo-Nenets Autonomous District, Russia*

Abstract. The strategie of helping is one of the most useable methods in the educational system. But at the same time the theoretical aspect of this phenomena ,that is one of the basic knowledge needed for the succesful educational process ,isn't the most popular constructor of the education in this sphere. In this article you can read about the theoretical aspects of this effect.

Keywords: helping; proactive; reactive; stimulating; straight; educational.

Не секрет, что стратегия помощи ученику учителем является одной из самых популярных и часто используемых в системе образования. Однако является ли данная стратегия действительно эффективной в образовательном процессе, или же способствует инфантилизму учеников? На данный вопрос необходимо отвечать, основываясь на природу процесса хелпинга.

Стратегия помощи имеет несколько видов классификаций. Первая из них определяет два вида хелпинга: «проактивную» и «реактивную» помощь. Термин «проактивная помощь» подразумевает под собой предложение субъектом помощи без наличия реального на него запроса. Рассматривая данные понятия в конструкте школьного образования, можно предоставить в качестве примера кейс, участниками которого являются ученик, не нуждающийся в помощи учителя, и непосредственно учи-

теля навязчиво её демонстрирующие. Явление реактивной помощи в свою очередь заключается в оказании субъектом помощи в ответ на просьбу о ней.

Изучая данные виды хелпинга, профессор Рассел Джонсон провел исследование, в котором рассматривал уровень эффективности первой и второй стратегии. Он пришел к выводу о том, что проявление первой стратегии индивидами является менее эффективной, нежели проявление второй. В качестве аргументации своего тезиса, автор использовал следующие результаты своего исследования: профессор утверждает, что одним из факторов деструктивности данного вида поведения является возможность фрустрации субъекта помощи из-за недостаточного уровня благодарности реципиента. С другой стороны, сам реципиент также может испытывать негативные эмоции, по-

сколькx предложение непрошеной помощи может стать причиной уменьшения уровня уверенности в себе в том или ином аспекте (Lee H. W., Bradburn J., Johnson R., 2018).

Другой концепцией хелпинга является изучение помощи в контексте трехфакторной модели.

Помощь изучается в трех векторах:

- 1) прямая или непрякая направленность;
- 2) спонтанность, неформальность или запланированность и формальность;
- 3) серьезность или несерьезность.

Под «прямой» помощью подразумеваются помощь, которая непосредственно направлена на реципиента, в то время как «непрякая» помощь заключается в создание условий для получения желаемого результата реципиентом (Pearce, P. L., Amato, P. R., 1980).

В контексте психологии также используются такие термины, как «обучающая» и «стимулирующая» помощь. Обучающая помощь представляет собой непосредственные действия субъекта, направленные на научение реципиентом определенного навыка, в то время как стимулирующая помощь заключается в активизации эффективного эмоционального состояния реципиента для комфортных условий обучения.

Итак, в системе образования помощь педагога является неотъемлемой частью

обучающего процесса. Однако не стоит забывать, что стратегия хелпинга имеет множество видов и направленностей и важно выбрать наиболее эффективную из них. Необходимо четко понимать деструктивность «проактивной помощи» и результативность «реактивной», разделять прямую и непрякую направленность и осознавать эффективность второй из них и необходимо учитывать важность как обучающей, так и стимулирующей помощи в образовательном процессе.

Библиографический список

1. Bachrach, D. G., Powell, B. C., Collins, B. J., Richey, R. G. (2006). Effects of task interdependence on the relationship between helping behavior and group performance. *Journal of Applied Psychology*. 91. 1396—1405. Bettencourt, L. A. (2004).
2. Hun Whee Lee, Jacob Bradburn, Russell E. Johnson, Hsiang (Daisy) Chang. The benefits of receiving gratitude for helpers: A daily investigation of proactive and reactive helping at work. *Journal of Applied Psychology*, 2018
3. Pearce, P. L., & Amato, P. R. (1980). A Taxonomy of Helping: A Multidimensional Scaling Analysis. *Social Psychology Quarterly*, 43(4), 363.
4. Schwartz S. H. Normative explanations of helping behavior: critique, proposal, and empirical test // *Journal of experimental social psychology*. – 1973. – Т. 9. – №. 4. – С. 349–36.

© Караева Л. В., 2021.

УКД 378.147:811:111

ПРИМЕНЕНИЕ ОНЛАЙН-СЕРВИСОВ В РАМКАХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

К. А. Улитина

*Ассистент,
ORCID 0000-0003-1985-827X,
e-mail: gersy777happy@mail.ru,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого,
г. Тула, Россия*

THE USE OF ONLINE RESOURCES IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE DISTANCE LEARNING

К. А. Ulitina

*Assistant of the English language department,
ORCID 0000-0003-1985-827X,
e-mail: gersy777happy@mail.ru,
Tula State Pedagogical University
named after L. N. Tolstoy,
Tula, Russia*

Abstract. This article touches upon some online resources that teachers can use in the process of distance learning to make the educational process more informative, productive and motivating. Also, this article focuses on the most widespread services, underlining their educational value.

Keywords: online resource; distance learning; indirectly; pattern; device.

Сегодня сложно представить современную жизнь без использования цифровых технологий, которые настолько активно внедряются в нашу жизнь, что стало практически невозможно представить ту или иную сферу без применения компьютеров, сотовых телефонов, Интернета и других приспособлений цифровой эпохи.

Говоря о «цифровизации» современного общества, нельзя не отметить, что технологии обучения не могут оставаться прежними, они так же должны претерпевать изменения, чтобы образовательный процесс не потерял своей актуальности, образовательные организации становились все более конкурентноспособными, а преподаватель находил несколько иные формы взаимодействия с учениками, которые в результате широкого применения

цифровых технологий воспринимают, обрабатывают и воспроизводят информацию по-другому.

В рамках такой ситуации дистанционное обучение является одним из способов осуществления образовательного процесса, учитывающего особенности современного ученика.

Что же такое «дистанционное обучение»? Согласно Толковому переводческому словарю дистанционное образование – это «технология целенаправленного и методически организованного руководства учебно-познавательной деятельностью учащихся, проживающих на расстоянии от образовательного центра» [1, с. 34–35].

Иными словами, это взаимодействие педагога и учащегося на расстоянии при

помощи компьютера. Такая форма взаимодействия становится все более распространенной и популярной как для осуществления образовательного процесса в школах, университетах, колледжах, так и для прохождения кратковременных программ повышения квалификации и курсов для преподавателей.

Такое взаимодействие может проходить в двух формах:

1) Онлайн-обучение как часть традиционного формата

2) Дистанционный формат как отдельная форма обучения

Говоря про первую форму взаимодействия, то ей в последнее время уделяют все больше внимания, считая наиболее приемлемой, так как полный отказ от традиционной формы обучения и переход на «дистант» был бы воспринят достаточно критично, в виду того, что полное замещение офлайн образования опосредованным способом взаимодействия продолжает вызывать неоднозначные мнения.

Частичное внедрение онлайн элементов находит положительный отклик, как у преподавателей, так и у студентов. Благодаря такому формату появилось больше возможностей для обучения: Skype, Zoom, Google classroom, Discord и т.д., преимущества которых бессмысленно отрицать. Чаты, конференции, прикрепление материалов, демонстрации обеспечивают доступность и непрерывность образовательного процесса. Кроме того нельзя отрицать значимость социальных сетей для подобной смешанной формы обучения. Обучающие группы и беседы в «ВКонтакте», «Instagram» и других социальных сетях являются прекрасной возможностью для обучения иностранному языку.

Что касается второй формы взаимодействия, то она предполагает полное замещение традиционного формата дистанционным. Такой способ уже широко применяется в ряде европейских стран,

где преимущества его использования бесспорны. В России же к подобному роду взаимодействия преподаватели и студенты относятся скептически, что выражается в несовпадении ожиданий и реальности, в технических трудностях, а также в процессе усвоения программы опосредованно.

Но, несмотря на все возможные недостатки «дистанта» актуальность подобного формата постепенно увеличивается и становится более востребованной особенно сильно в периоды пандемий, когда осуществление образовательного процесса происходит только в онлайн формате.

Подобные вынужденные меры полного перехода на дистанционную форму предполагают много онлайн активности с целью повышения мотивации, адаптации занятий под разных учеников, вовлечения учеников в деятельность.

В результате этого появляется все больше онлайн ресурсов, которые преподаватель может использовать, дифференцируя и индивидуализируя образовательный процесс.

Среди наиболее распространенных является образовательный ресурс **Wordwall**, с помощью которого преподаватель может создавать интерактивные и печатные упражнения, используя шаблоны и учитывая возможности каждого ребенка. Шаблоны включают в себя знакомые дидактические игры для отработки грамматики и лексики, которые часто используются в педагогической практике: “match up” (сопоставлять слова с их объяснениями), “quiz” (викторина), “unjumble” (исправить перемешанные слова в предложении), “random wheel”(игра-рулетка) “Crosswords” (кроссворды) и многое другое. Также данный сервис предлагает преподавателю возможность создавать свои игры. Все задания сопровождаются музыкальными и визуальными эффектами, что также является неоспоримым плюсом данного серви-

са, облегчающего восприятие материала особенно младшим школьникам.

Одним из дополнительных привлекающих факторов для использования ресурса Wordwall при дистанционном обучении является опция «Многопользовательская игра». Воспользовавшись данной функцией, учитель может превратить уже созданную им ранее викторину в сетевую игру. Такой формат задания вносит элемент соревновательности и азарта (нужно успеть правильно и быстро выбрать ответ на личном гаджете ученика). Он очень удобен при проведении дистанционного контроля усвоенных знаний.

Еще одним вариантом использования интерактивных технологий является приложение **Learningapps**, в котором собраны активности по разным направлениям и с широкими возможностями применения. Это не только лексика, это грамматика, создание упражнений по аудированию, добавление видео, тестов. Данное приложение включает большое разнообразие заданий с автоматической проверкой: «Найти пару», «Классификация», «Заполнить пропуски», «Викторина с выбором правильного ответа», «Сортировка картинок» и другие. В этом ресурсе есть также опция для создания своих собственных заданий по аналогии с шаблоном, что является неоспоримым преимуществом при обучении. При регистрации сайт позволяет вам создавать классы и по ссылке или QR коду приглашать учеников.

Еще одной не менее значимой и распространенной платформой создания

упражнений является **Quizlet**. Основным преимуществом данного ресурса и соответственно его главной отличительной особенностью является множество заданий направленных на закрепление и отработку лексики. Задания представлены в виде флеш-карточек, количество которых варьируется в зависимости от уровня учеников. Отработка лексических единиц возможна в разных вариантах: правописание, тестирование, игровой формат и т.д. Плюсом данного приложения является также то, что у него есть доступная мобильная версия, которую легко и удобно использовать в любой момент, повторяя слова, пройдя по ссылке, которую преподаватель присылает ученикам.

Представленные вышеперечисленные ресурсы далеко не все, которыми пользуются преподаватели иностранного языка в целях осуществления продуктивного образовательного процесса в рамках онлайн формата. Все платформы предлагают разнообразный инструментарий, который в умелых руках профессионала превращается в неисчерпаемый источник педагогических идей для организации и проведения информативных и одновременно занимательных дистанционных занятий.

Библиографический список

1. Малькова Т. В. Становление системы дистанционного обучения в Российской Федерации: к истории проблемы // Наука и школа. – 2009. – № 1. – С. 34–35.

© Улитина К. А., 2021.

УДК 008

ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ЛАВИНООБРАЗНЫЙ РОСТ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАТОВ ОНЛАЙН ОБРАЗОВАНИЯ

И. Г. Хангельдиева

*Доктор философских наук, профессор,
ORCID 0000-0001-6823-7950,
e-mail: ikh2006@yandex.ru,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

THE COVID-19 PANDEMIC AND THE AVALANCHE GROWTH OF VARIOUS FORMATS OF ONLINE EDUCATION

I. G. Khangeldieva

*Doctor of Philosophical Science, professor,
ORCID 0000-0001-6823-7950,
e-mail: ikh2006@yandex.ru,
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

Abstract. The article analyzes the trends caused by the rapid transition of the world educational system to the total use of the online format in education, caused by the global COVID-19 pandemic. The pandemic triggered the transition from traditional forms of education to distance education based on modern digital resources. Over the years of its existence in the context of a pandemic, the entire market of educational services in the world has significantly transformed, but especially the online education market, which has a significant impact on its Russian segment. The article presents the main trends in the development of the online education market, based on statistical data obtained by Russian companies monitoring the online education market.

Keywords: pandemic; online education; online education trends; competition in education.

Многообразие – основной принцип
мироздания
О. Бальзак

Ситуация форс-мажора по причине пандемии активизировала использование онлайн-формата в образовании как единственно возможного в большинстве случаев и обострила дискуссию по данному поводу в среде профессионального сообщества [3]. Сегодня уже понятно, что условиях возврата к полноценным формам образования онлайн формат не уйдет из практики вузов [7] и будет присутствовать в самых разных формах: интегрированных, смешанных, гибридных [8].

Внешний фактор в виде COVID-19, стал триггером лавинообразного развития

сначала онлайн форматов в сфере образования, которое практически не оставило без своего влияния ни одно направление в данной сфере от дошкольного до вузовского, включая дополнительное, профессиональное и развлекательное, а затем коллаборационные образовательные процессы и проекты.

Современные исследователи представили некоторые цифры, связанные с характеристикой образования в условиях глобального испытания. «Весь мировой рынок образования в 2019 году измерялся суммой \$6,5 трлн (расчётный показатель к 2025 году – \$8 трлн, к 2030-му – \$10 трлн). Мы видим, что прогноз, приведённый в исследовании Edmarket.Digital-

2017, оправдался. На цифровизированную часть рынка сейчас приходится до 4 % от

его совокупного объёма» [2, с. 12].

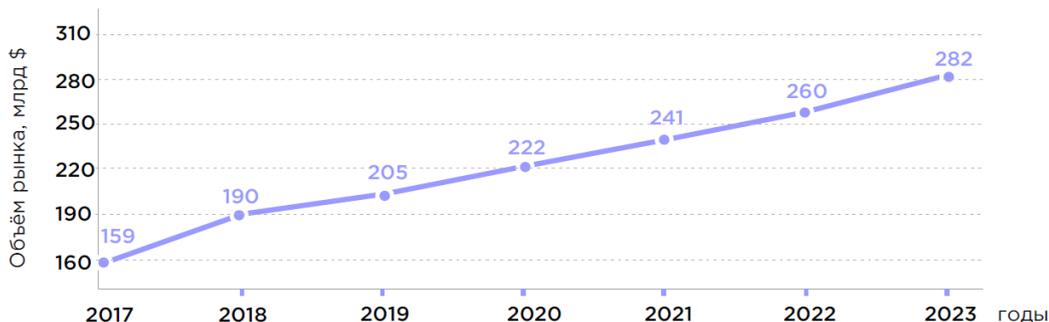
- 25% - Высшее / профессиональное (Post Secondary)
- 55% - Школьное (K-12)
- 8% - Lifelong learning
- 8% - Дошкольное образование (Pre-K)
- 6% - Корпоративное (Corporate)

Источники: HolonIQ, Goldman Sachs, GSV, IBIS Capital, Citi

В представленной диаграмме наглядно показано, что школьное образование в 2019 году на рынке онлайн-образования занимало более 50 % его объема, а высшее и дополнительное профессиональное образование, только четверть. Этому есть

объяснения. Школьников значительно больше, чем тех, кто обучается в высших учебных заведениях и по программам второго высшего образования, повышает свою квалификацию или проходит пере-квалификацию.

Объём мирового рынка онлайн-образования

Для годов с 2019 по 2023-ий даны расчётные значения при среднегодовом приросте на уровне 8,2%.
[EdTechXGlobal, Global Market Insights, Education International, экспертные оценки]

Динамика последних лет весьма показательна. Данное исследование свидетельствует о стабильном росте этого сегмента рынка, который составляет немного более

8 %, что и прогнозировалось ранее [2, с. 11]. Это говорит о том, что ни о какой замене традиционных форм образования на онлайн форматы речи не идет, даже

при всех сверхсложных обстоятельствах жизни в современном мире. Но воздействие онлайн-технологий на традиционные формы обучения, безусловно, будет продолжаться и весьма активно.

В связи с этим очень интересны основные тренды, которые выделяются в данном исследовании и касаются дальнейшего развития онлайн-образования. На эти тренды важно обратить внимание, среди них основная масса характеризует рост того или иного сегмента *рынка онлайн-образования* и только выделяются два тренда, которые не имеют тенденции к росту, но об этом несколько позднее.

В исследование российского рынка онлайн образования за 2020 г. частично входят и итоги мирового уровня. Все нижеприведенные тренды развития современного образования так или иначе связаны с инновационными технологиями. Авторы исследования выделяют 14 основных направлений, 12 из которых связаны с инновационными областями интеллектуальной деятельности:

1. *Искусственный интеллект*
2. *Корректировка ожиданий от технологий дополнительной реальности*
3. *Микрообучение*
4. *Популяризация мобильного обучения*
5. *Рост корпоративного сегмента образования*
6. *Усиления связи обучения и трудоустройства*
7. *Онлайн-обучение смыкается с практиками обучения Soft skills.*
8. *Стремительный рост спроса обучения на протяжении всей профессиональной деятельности*
9. *Рост интереса к «P2P-learning»¹*
10. *Обучение на основе проектной работы project-based learning*
11. *Растёт рынок LMS (learning man-*

agement system)

12. *Опережающими темпами роста идет рынок языкового обучения*

13. *Снижением запроса на (self-paced) самостоятельное онлайн-обучение*

14. *Геймификация*

Теперь коротко о каждом из трендов с небольшими комментариями.

1. Искусственный интеллект: использование различных интеллектуальных систем, ботов, голосовых помощников типа Алисы из Яндекса, которые могут взять на себя часть рутинной работы преподавателя и освободить его для активного творчества. В частности, это касается входного тестирования, позволяющего определить уровень подготовки, а затем сконструировать индивидуальную программу обучения, также это может касаться и проверки уровня выполнения формализованных и частично не формализованных заданий.

2. Корректировка ожиданий от технологий дополнительной реальности: эти технологии используются в разных сферах, особенно в медицине, авиации и других областях для обучения сложным манипуляциям, в качестве не травмирующей обучающей технологии.

3. Микрообучение: обучение конкретным навыкам и умениям непосредственного у профессионала, который может передать их «с руки», от наставника-профи к желающему освоить данный навык.

4. Популяризация мобильного обучения: использование мобильных устройств и электронных различных гаджетов (смартфоны, планшеты) для получения и освоения обучающегося контента. «За месяц около 195 млн жителей Китая получают образовательный контент с помощью мобильных устройств [Mar-

¹ Peer-to-peer learning – сетевое обучение равных, децентрализованное, одноранговое.

ketsandMarkets, McKinsey, Technavio, Paycom, CNNIC, Global Industry Analytics]» [2, с. 26]. К арсеналу мобильного обучения относятся не только мобильные устройства, но и мобильные приложения.

В настоящее время кроме привычного обучающего мультимедийного, видеоконтента, существуют еще и голосовые подкасты, которые могут быть ориентированы на образовательные цели. В частности, в качестве примера можно привести образовательную деятельность радио Арзамас, которое существует в мобильном приложении. Аудитория этого приложения самая разнообразная от младших школьников до профессионалов. Деятельность радио Арзамас столь интересна и разнообразна с точки зрения просвещения и образования, что достойна специального исследования.

5. Рост корпоративного сегмента образования: данный тренд не требует

пояснений, сегодня это очевидно, что крупные корпорации создают свои университеты для переобучения сотрудников именно «под себя», особым профессиональным навыкам. В России это – университеты Сбера, Евросети, Сибура, Росатома, Альфа-банк, ВымпелКом, Северстали, МТС, МГТС других крупнейших национальных корпораций, как государственных, так и частных. В 2015 году РБК провело исследование корпоративного сегмента в образовании в крупных российских государственных и частных компаниях, которые последовательно развивают работу своих корпоративных университетов, не все компании приняли участие в этом исследовании, но из тех, кто от участия не отказался, РБК составило рейтинг, показав наиболее успешные. Приведем только часть этого исследования [5].

№	Компания	Отрасль	Форма собственности	Расходы на образование	Фонд оплаты труда	Итоговый балл
1.	Сбербанк	Банковское дело	Госуд.	2137	188 775	3,932
2.	Евросеть	Розничная торговля	Част.	2 250	Не раскрывает	3,381
3.	Газпром нефть	Нефтедобыча	Госуд.	581	Не раскрывает	2,778
4.	Сибур	Нефтехимия	Част.	308	Не раскрывает	1,656
5.	Росатом	Энергетика	Госуд.	1 500	214 286	1,537
6.	Альфа-банк	Банковское дело	Част.	116	21 659	1,525
7.	Русгидро	Электроэнергетика	Госуд.	82	8 921	1,375
8.	ВымпелКом	Телекоммуникации	Част.	118	20 600	0,970
9.	НЛМК	Металлургия	Част.	171	27 276	0,888
10.	Ростелеком	Телекоммуникации	Госуд.	347	62 301	0,747

Даже частичные результаты исследования дают возможность представить, что данный сегмент активно функционирует и динамически развивается. Корпоративные университеты более гибкие в своих программах, их задача скорректировать те недочеты, которые компании обнаруживают в профессиональной деятельности сотрудников. В условиях VUCA-мира у корпоративных образовательных структур есть будущее. По исследованию, приуроченному к ВЭФ-2021, находим интересные цифры, согласно которым 87 млн рабочих мест к 2025 году исчезнут, но появятся 95 млн новых рабочих мест [4], читай новых профессий, которые уже частично представлены в Атласе профессий 3.0.

6. Усиления связи обучения и трудоустройства: последние годы эта проблема ставилась не однократно, а в условиях социальной неопределённости и стремительного развития технологий, отмирания и возникновения новых профессий эта тенденция укрепляет значительным образом свои позиции. Часто это связывают с возникновением и развитием букткемпов.

7. Онлайн-обучение смыкается с практиками обучения Soft skills. Проблема метапредметных навыков выходит на одно из первых мест в современной системе образования. Об этом свидетельствуют реальные цифры. «По оценке Transparency Market Research, мировой рынок развития soft skills в 2016 году измерялся суммой порядка \$11,3 млрд. При среднегодовом приросте в 11,9 % на интервале 2018–2026 гг. к концу этого периода он превысит \$33,7 млрд» [2]. В Докладе ВЭФ-2021 подчеркивается, что у современных работодателей существуют особые предпочтения к сочетанию профессиональных и надпрофессиональных навыков, которые принято сейчас именовать hard skills & soft skills. Эти предпочтения демонстрируются в следующем

соотношении: 15 % и 85 %. Другими словами, выбор работодателями делается в пользу метанавыков в современных условиях [4].

8. Стремительный рост спроса обучения на протяжении всей профессиональной деятельности: в условиях неопределенности и запросов на более динамическую смену жизненных и профессиональных стратегий данный тренд вполне объясним и будет набирать силу. VUCA-мир требует формирования не только быстрой смены профессиональных навыков и ориентаций, но и кардинальной перемены мировоззрения, в основе которого должно лежать понимание закономерного и быстрого изменения всей картины мира. VUCA-мировоззрение современной эпохи характеризуется новыми ценностями и вызывает к жизни новые поведенческие принципы и нормы.

9. Рост интереса к «P2P-learning». Peer-to-peer learning – новый подход к обучению, построенный на образе сетевых пиринговых коммуникаций, которые трактуются как одноранговые, децентрализованные. Участники подобной сети имеют свой персональный компьютер (его называют узлом, по-английски – peer). Принцип функционирования подобных сетей повлиял и на коммуникации в обучении. Peer-to-peer learning – децентрализованное обучение «равного равным», через сотворчество. Переходя в различные формы обучения, как офлайн, так и онлайн, данный принцип в результате меняет функции обучаемого и обучающегося. Обучающийся становится фасилитатором, то есть успешно устанавливающий коммуникацию или с одним учеником, или со всей группой в целом.

10. Обучение на основе проектной работы project-based learning. Основной кейс для данной позиции в онлайн формате стала деятельность французской школе

Ecole 42². Это не получение высшего образования, а освоение профессии, через обучение очень высокого уровня, гарантирующее трудоустройство. Но надо рассматривать данное обучение ни как некую новацию в обучении, а в определенном смысле трансформацию проектного обучения из традиционных моделей образования.

11. Расстёт рынок LMS (learning management system) – система управления процессами обучения для администрирования учебных курсов в дистанционных формах образования. Сегодня наиболее известной системой с подобными целями является система **Moodle**, которая может быть встроена и образовательные программы традиционного обучения. Наряду с ней в условиях пандемии и тотального перехода к онлайн обучения в качестве альтернативы Moodle или параллельно с ней стали широко использовать ресурсные возможности Google и, в частности, **Google Classroom**.

12. Опережающими темпами роста идет рынок языкового обучения, где постоянно расширяются цифровые сервисы и инструменты для освоения в основном английского языка в онлайн режиме. Эта тенденция вполне объяснима. Повышенный интерес в большей степени к английскому языку сохраняется, что связано с глобализационными процессами и развитием технологий, которые опираются на английский язык, но будет сохраняться интерес и к другим языкам не в качестве профессионального знания, а в качестве инструмента, способного дополнить существующие профессии, их выбор будет зависеть от тенденций развития мирового экономического процесса.

В заключении следует обратить внимание на два тренда и первый из них ха-

рактеризуется:

13. Снижением запроса на (self-paced) самостоятельное онлайн-обучение: был некоторый период, когда эта форма обучения была востребованной и у нее был заметный рост. Однако сегодня эта ситуация изменилась. Разные аналитики дают разные оценки, вплоть до отрицательного прироста. Общая тенденция такова, что рынок, если не уйдет в минус, то значительно сократиться. Одной из причин данного процесса является недостаточно высокая мотивация и самоорганизованность тех, кто начинает процесс самостоятельного обучения, но не доводит его до конца.

14. Геймификация: процессы, связанные с использованием игровых технологий, в настоящее время не дают большого роста. Однако это не значит, что эти технологии не будут в будущем более широко использоваться в образовательном процессе, по всей вероятности, еще не пришло их время. Это касается разработчиков обучающих видеоигр, они еще не созрели для прихода в сегмент образования, индустрия развлечения продолжает их «кормить», а со стороны обучающихся особенно в сегменте высшего образования в аудитории еще не пришли те, для которых это будет очень важно. Их ждут к 2025 году [2, с. 22–32].

В контексте данной статьи обращение к трендам развития мирового образования связано с тем, что они показывают общую тенденцию, которая свидетельствует о том, что все они будут включать в себя и в офлайн, и онлайн-форматы. Все указанные тренды подразумевают коллаборационные взаимодействия офлайн и онлайн образования, в подобной ситуации они будут усиливаться, а не нивелироваться,

² Ecole 42, основана в 2013 году *Ксавье Ниелем (Xavier Niel)*, французским миллиардером, профессиональное обучение в школе реализуется по принципу *peer-to-peer*.

баланс их взаимодействия будет меняться в зависимости от целеполаганий, но они будут сосуществовать. Пока активный рост онлайн образования в России показывает его увеличение в сегменте детского и взрослого дополнительного образования, «исчисляемые 10 млрд руб. и 15 млрд руб. в год соответственно» [2, с. 41]. Этот показатель совершенно не противоречит тому, что коллаборационные формы развития офлайн и онлайн образования будут набирать обороты в школах и вузах. При всей критике практической онлайн-деятельности в условиях пандемии, что было вполне обоснованным. Ошибки и недочеты в первом опыте объяснимы, но это не дает основания для полного отказа от онлайн-технологий в будущем.

Что касается коллаборационного взаимодействия традиционных форм образования с онлайн форматами, степень их проникновения друг в друга будет весьма разнообразна. Именно степень взаимовлияния и взаимообогащения является критерием того, как эти формы могут интерпретироваться. Вузы и онлайн-площадки предполагают, что часть образовательных программ могут быть отданы на аутсорсинг. Для высшего образования это новое явление. Ранее вопрос об аутсорсинге практически не ставился в недрах высшей школы. Каждый вуз отвечал за качество подготовки самостоятельно. В данном случае ответственность вуза за качество образования остается за вузом, но вуз в праве принять решение, согласно которого на определенных условиях он может засчитать обучение какому-либо предмету в организации качество обучения, в которой не вызывает сомнений и подкрепляется документально. Бывший ректор ВШЭ считает, что «онлайн-школы могут быть востребованы в направлении разработки сервисов независимых измерений знаний и компетенций, а также в коллаборации с

вузами для предоставления отдельных образовательных услуг. Он уточнил, что, ВШЭ уже передала обучение английскому языку на аутсорс. Можно прийти в вуз с внешним сертификатом и не заниматься английским в „Вышке“, но при желании мы такое обучение предоставим» [1]. Думается, что аутсорсинг, возможен не только в формате предоставления онлайн образовательных услуг, но и очном режиме, как это случается с Институтами Гете, Сервантеса, Конфуция, Французском культурном центром или British Council. В определенной степени аутсорсингом можно считать и использование MOOK известных вузов. Однако аутсорсинг в качестве образовательной технологии в рамках высшего образования в полный голос еще не обсуждали. Но то, что онлайн-форматы обострили конкуренцию в образовательной среде [7] об этом уже заговорили. Сегодня в результате пандемийного форс-мажора ситуация в образовательном пространстве значительным образом изменилась, и это нельзя не учитывать, разрабатывая стратегии развития образования на ближайшее будущее во всех его сегментах.

Библиографический список

1. Владимир Май: В России необходимо создать инфраструктуру дистанционного образования Об этом сообщает "Рамблер" // [Электронный ресурс] // URL: https://news.rambler.ru/education/45613708/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 11.11.2021)
2. Исследование российского рынка онлайн образования // [Электронный ресурс]. URL: https://innoagency.ru/files/Issledovanie_rynka_rossiyskogo_online_obrazovania_2020.pdf (дата обращения: 11.11.2021)
3. Онлайн- и офлайн-образование: методология и принятие решений. Материалы круглого стола / В. В. Миронов, Г. В. Сорина, В. Ю. Перов и др. // Проблемы современного образования – 2019. – № 4. – С. 9–49.

4. Профессии будущего. Рынок труда в 2025 году. https://www.youtube.com/watch?v=8_6FSpGVnFY (дата обращения: 11.11.2021)
5. Рейтинг РБК: 15 лидеров корпоративного образования//Подробнее на РБК:
6. <https://www.rbc.ru/business/27/04/2015/552c5adf9a7947ba47f95877>(дата обращения: 11.11.2021)
7. Ректор РАНХиГС заявил, что пандемия обострила конкуренцию в образовательной сфере [Электронный ресурс]. URL:https://tass.ru/obschestvo/10457985?keepThis=true&TB_iframe=true&height=500&width=1100&caption=%D0%A2%D0%90%D0%A1%D0%A1 (дата обращения: 11.11.2021)
8. Уроки «стресс-теста». Вузы в условиях пандемии и после нее. Аналитический доклад. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. = июнь 2020.// https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (Дата обращения 11.11.21)
9. Хангельдиева И. Г. Многообразие «скрещенных» и полифонических форм обучения в условиях цифровизации и COVID-19 // Ценности и смыслы. – М., 2021. – № 71. – С. 6–22.

© Хангельдиева И. Г., 2021.

УДК 37

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГОВ В ВУЗЕ И В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. М. Шехмирзова
Л. В. Грибина

*Кандидат педагогических наук, доцент,
кандидат педагогических наук, доцент,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия*

REGULATORY AND LEGAL TRAINING OF TEACHERS AT THE UNIVERSITY AND IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION

A. M. Shekhmirzova
L. V. Gribina

*Candidate of pedagogical sciences,
associate professor,
candidate of pedagogical sciences,
associate professor,
Adyge State University,
Maykop, Republic of Adygea, Russia*

Abstract. The article presents the experience of normative and legal training of pedagogical personnel in the sphere of higher and additional professional education. The results of the analysis of the actual state of the system of normative and legal training of teachers are shown. The problems of forming normative-legal competence are analyzed. The relationship between the improvement of the system of normative-legal training of pedagogical cadres and the solution of a number of problems of a methodological nature is determined. At the same time, the problem of conceptual modeling of an effective pedagogical system of normative-legal training of pedagogical cadres is considered as a core, around which others group in a certain subordination. From the system positions it is shown the need to create an effective system of training teachers for the proper use of regulatory and legal acts in pedagogical activity, to solve complex problems, taking into account dynamically updated legislation. Based on the revealed methodological problems of normative-legal training of teachers, the need for a holistic view of the formation of regulatory-legal competence in the context of continuous teacher education.

Keywords: normative-legal training; the system of higher and additional professional education; continuous pedagogical education; regulatory-legal competence; new generation standards; methodological problems of normative-legal training; the competence approach; the system approach; the model of continuous normative-legal training of teachers.

1. Введение

Возросшие требования к подготовке педагогических кадров в системе высшего образования и повышения квалификации, продиктованные введением профессиональных и образовательных стандартов нового поколения, определили актуальность нормативно-правовой составляющей их образовательных программ. Кардинальные преобразования в российской системе высшего и дополнительного профессионального образования обусловили ряд сложных задач, связанных с практико-

ориентированным построением образовательного процесса в условиях динамично обновляющегося законодательства. Компетентностный подход как методологическая основа реализации ФГОС предопределил необходимость особого внимания к нормативно-правовой подготовке педагогов как составляющей их профессиональной подготовки. Методически грамотное практическое применение педагогом в педагогической деятельности нормативно-правовых актов позволяет определить нормативно-правовую компетентность

как его способность ориентироваться в образовательном законодательстве, решать сложные проблемы, принимать ответственные решения в ситуациях выбора на основе оценочно-ценностной рефлексии. В условиях реализации стандартов нового поколения повышается ответственность педагогических кадров в решении стоящих перед ними сложных задач. Это предполагает изменение подходов к организации образовательного процесса, как в системе высшего образования, так и повышения квалификации. Традиционный подход к процессу обучения и методологические трудности реализации компетентностного подхода актуализируют круг проблем нормативно-правовой подготовки профессиональных кадров и их конкурентоспособности на мировом рынке труда. Решению этих проблем способствует совместное применение системного подхода с компетентностным, позволяющее рассмотреть их относительно каждого элемента системы нормативно-правовой подготовки педагогических кадров. Как показывает проведенный анализ нормативных документов по высшему и дополнительному профессиональному образованию, практики нормативно-правовой подготовки педагогов, многочисленных публикаций по изучаемой проблеме, применение традиционного подхода к формированию нормативно-правовой компетентности связан с и недостаточностью ее изученности с системных позиций и отсутствием эффективной педагогической системы.

Результаты проведенного анализа фактического состояния системы нормативно-правовой подготовки педагогических кадров в сфере высшего и дополнительного профессионального образования позволили заключить, что ее совершенствование связано с решением ряда проблем методологического характера. При этом

стержневой, вокруг которого группируются другие в определенном соподчинении, выступает проблема концептуального моделирования эффективной педагогической системы нормативно-правовой подготовки педагогических кадров. Недостаточность разработанности методологических основ нормативно-правовой подготовки педагогических кадров в системе профессионального образования (высшего и дополнительного) и отсутствие целостного представления о формировании нормативно-правовой компетентности в условиях непрерывного педагогического образования обусловили необходимость выявления методологических проблем нормативно-правовой подготовки педагогов. Несомненная значимость и потребность разрешения противоречия между традиционным подходом и современными взглядами на качество нормативно-правовой подготовки педагогических кадров в системе высшего и дополнительного профессионального образования в условиях действия новых стандартов обусловили актуальность проводимого исследования.

2. Цель исследования.

Целью исследования является выявление методологических проблем непрерывной нормативно-правовой подготовки педагогических кадров в сфере высшего и дополнительного профессионального образования и на этой основе разработка модели совершенствования фактического состояния действующей системы.

Материалы и методы исследования.

Представленные в статье материалы отражают полученные промежуточные результаты продолжающейся работы по исследованию проблемы качества проектирования образовательных программ в контексте теории содержания образования [9; 10; 11]. Показанные результаты значительно расширяют предметную область, выступая составляющими совокупности

одного из проверяемого концептуального положения в рамках реализации компетентностного подхода в системе высшего и дополнительного профессионального образования.

В исследовании с целью проверки исходных положений был использован комплекс различных методов педагогического исследования: теоретических – сравнительно-сопоставительный анализ философской, научно-педагогической, психологической, правовой литературы по проблеме нормативно-правовой подготовки обучающихся в сфере высшего и дополнительного профессионального образования, изучение и анализ нормативно-правовой документации по рассматриваемой теме, теоретическое обобщение результатов исследования; эмпирических – опрос, анализ содержания педагогической документации и результатов деятельности, экспертная оценка, моделирование.

Исследование проводится с 2011 года с учетом происходящей реформации в российской системе высшего и дополнительного образования. Полученные результаты данного этапа исследования апробировались на базе Адыгейского государственного университета (АГУ, г. Майкоп) и Адыгейского республиканского института повышения квалификации (АРИПК, г. Майкоп). В исследовании были задействованы бакалавры и магистранты педагогического направления подготовки АГУ (44.03.01 Педагогическое образование, 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), 45.03.01 Филология, 050100 «Педагогическое образование (магистр), слушатели курсов повышения квалификации АРИПК.

В теоретической части исследования проведен сущностно-содержательный анализ понятия «нормативно-правовой компетентности» на основе философской, научно-педагогической, психологической,

правовой литературы. Рассмотрение на основе анализа содержания педагогической документации нормативно-правовой компетентности в качестве управленческой составляющей деятельности педагога обуславливалось ее содержательной представленностью в перечне трудовых функций профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н, с изм. от 25.12.2014) (далее – ПС Педагог) и компетенций в стандартах нового поколения. В соответствии с этим документом, современный педагог должен обладать знаниями о приоритетных направлениях развития образовательной системы РФ, законах и иных нормативно-правовых актов, регламентирующих образовательную деятельность, стандартах нового поколения, законодательстве о правах ребенка, трудового законодательства, нормативных документах по вопросам обучения и воспитания обучающихся.

Как показал анализ научно-педагогической литературы, правовая компетентность рассматривается в виде интегративного свойства личности, проявляющегося в совокупности компетенций правового характера и личностных способностях оказания активного влияния на развитие (саморазвитие) социально – значимых ценностей обучающихся, предупреждение (устранение) противоправных проявлений их поведения (Ж. С. Максимова, А. С. Аникина, Е. Л. Болотова и др.) [1; 2].

В нашем исследовании нормативно-правовая компетентность рассматривается в виде способности педагога ориентироваться в динамично изменяющемся образовательном законодательстве, решать сложные проблемы, принимать ответственные решения в ситуациях выбора на

основе оценочно-ценностной рефлексии. При этом с необходимостью принимать ответственность при решении сложных задач в контексте реализации стандартов нового поколения современный педагог сталкивается уже на первых этапах осуществления профессиональной деятельности, что отражается на успешности его педагогической карьеры [12; 13; 14]. Тому подтверждение полученные результаты анкетирования студентов АГУ и опрос слушателей АРИПК.

По мнению большинства студентов, проходящих педагогическую практику, молодых педагогов, выпускников АГУ (около 88 %), в последние годы обнаруживаются недостаточный уровень развития их нормативно-правовой компетентности, связанного с возрастающей конкурентоспособностью личности в усложняющемся мире. Аналогичные результаты были получены в ходе опроса слушателей АРИПК. Усложнение трудовых профессиональных функций в условиях динамично развивающегося общества признала большая часть респондентов (91 %).

Изучение состояние практики нормативно-правовой подготовки педагогических кадров в сфере высшего и дополнительного профессионального образования имело целью получение общих представлений о функционировании и эффективности действующей педагогической системы формирования соответствующей компетентности, определение ее сильных и слабых сторон на основе выявленных методологических проблем.

В качестве методологических ориентиров проводимого исследования стали следующие положения: 1) готовность к нормативно-правовой деятельности имеет существенную значимость как при выполнении педагогом профессиональных трудовых функций, так и при саморазвитии в контексте построения карьеры;

2) подготовка к нормативно-правовой деятельности эффективно реализуется в различные периоды обучения, то есть адаптивна к разным уровням высшего и дополнительного профессионального образования; 3) подготовка к нормативно-правовой деятельности зависит от конкретных условий образовательной организации, в которой осуществляется образовательный процесс в различных вариантах на качественном уровне; 4) анализ и оценивание нормативно-правовой подготовки педагогов следует проводить с учетом релевантных зависимостей самой педагогической системы.

На констатирующем этапе опытно-экспериментальной работы эмпирический материал строился из экспертных оценок, разработанных с учетом рекомендаций В. С. Лазарева и Б. П. Мартиросяна [7; 8]. Построение содержания опросных вопросов для экспертной оценки позволяло получить представление о теоретико-практических сторонах нормативно-правовой подготовки, способствуя поэлементному и целостному оцениванию эффективности действующей педагогической системы. В экспертную группу входили преподаватели вуза, педагогические работники системы дополнительного профессионального образования, имеющие ученую степень и публикации по проблеме педагогического образования. Интерпретация анкетных опросов и экспертных оценок позволила проанализировать и поэлементно обсудить структурные составляющие педагогической системы нормативно-правовой подготовки педагогов.

Полученные данные и результаты анализа опыта российских вузов и систем дополнительного профессионального образования по нормативно-правовой подготовке педагогических кадров в исследованиях различных ученых позволили сгруппировать выявленные методологические

проблемы в определенном соподчинении [8; 15].

Как показал анализ научно-педагогической литературы, изучение и анализ нормативно-правовой документации по проблеме исследования, теоретическое обобщение результатов исследования, в условиях непрерывного педагогического образования возникает необходимость целостного представления системы нормативно-правовой подготовки педагогических кадров в сфере высшего и дополнительного профессионального образования. Не останавливаясь на философских и психологических подходах к рассмотрению идей непрерывности и преемственности в педагогическом образовании, отметим, что эти категории в общепсихологическом смысле взаимосвязаны между собой. При этом, они отражают явление развития (бесконечное восхождение от низшего к высшему). В нашем исследовании преемственность высшего и дополнительного профессионального образования предполагает воспроизведение и сохранение некоторых элементов нормативно-правового содержания образовательных программ высшей школы в программах системы дополнительного образования. На базе преемственности возникает механизм непрерывности, предполагающий образование каждого последующего этапа в высшей школе и обращения к системе дополнительного образования, базирующегося на достижении предыдущих, включающих их в себя в виде основы для дальнейшего развития. Нормативно-правовая подготовка выпускников высшей школы не абсолютно отрицается при соприкосновении с системой дополнительного профессионального образования, а сменяется новыми образовательными личностными качествами и компетенциями, включающими в себя элементы предшествующих для дальнейших качественных переходов.

В отношении к нормативно-правовой компетентности категория непрерывности дает возможность ее двоякого рассмотрения: с одной стороны, это некоторое завершенное в содержательном плане состояние личности педагога, сформированность его знаний, умений, практического опыта, ценностной и отношенческой систем, с другой – это непрекращающийся процесс его самосовершенствования в условиях динамично обновляющегося образовательного законодательства. Здесь нормативно-правовую подготовку в системе высшего и дополнительного образования можно рассмотреть в контексте человеческой жизни (по Н. А. Бердяеву), где в развитии личности молодого педагога возникает новое, наряду с закреплением (минерализацией) предыдущего. Именно новизна (в системе дополнительного образования) и неизменность (уже усвоенного в высшей школе) способствует реализации личности педагога.

Непрерывность нормативно-правовой подготовки педагогических кадров в сфере высшего и дополнительного профессионального образования в общем виде отражает в условиях реализации новых стандартов назревшую потребность упорядочения вертикальной структуры вузовского образовательного процесса с достройкой новыми элементами дополнительного образования, в котором педагог продвигается по восходящей ступени, осваивая не только прогрессивный опыт, но и приобретая способность к его обогащению собственными усилиями. Только так, поступательно, может развиваться творческий потенциал личности педагога. В этом и заключается идея непрерывности нормативно-правовой подготовки в высшем и дополнительном профессиональном образовании. Отсюда в исследовании, непрерывное высшее и дополнительное профессиональное образование рассматривается в виде единого, целостного про-

песса, состоящего из основного, высшего и последующего, дополнительного образования.

Смысловое определение непрерывности, введенное еще Я. А. Коменским, актуализируется в рассматриваемом контексте, при котором наблюдается тесная взаимосвязь всех частей целого [6, с. 258]. На прочном основании нормативно-правовой подготовки в системе высшего образования, заложенном глубоко, может опираться последующее дополнительное профессиональное образование. Непрерывность в развитии нормативно-правовой компетентности проявляется в отсутствии разрывов в ходе получаемого образования, при котором результат профессиональной деятельности на каждом этапе обеспечивает начало последующего: после высшего образования педагог повышает квалификацию в системе дополнительного образования, обновляет знания в области образовательного законодательства. Это ключевой момент моделирования нормативно-правовой подготовки педагогов в системе высшего и дополнительного образования, где новый переход соответствует социально-правовым ценностям современного времени. При этом инновационная инфраструктура в сфере регионального образования, состоящая из федеральных и региональных инновационных площадок (для апробации отдельных аспектов инновационной модели), обеспечивает модернизацию и развитие системы образования с учетом приоритетных направлений государственной политики и социально-экономического развития РФ.

Представленное понимание непрерывности отражается на профессиональной педагогической деятельности педагога, которую, в продолжение мысли Я. А. Коменского, немецкий педагог Ф. А. В. Дистервег, относил уже к обучающимся. По мнению Ф. А. В. Дистервега, непрерывное

обучение, способствует самостоятельному преодолению обучающимся каждой ступени в соответствии с возрастными особенностями [3]. Связывая непрерывность образования с процессом саморазвития личности, Ф. А. В. Дистервег отмечал зависимость овладения обучающимся законами создания и развития своих способностей со становлением себя как творца на всех этапах жизни.

В современное время, по мнению Г. В. Дорофеева, проблема непрерывности в образовании приобретает «качественно иной аспект» [4, с. 47]. Несмотря на отнесенность сказанного к математическому образованию, значимость методологической непрерывности возрастает в условиях усложнения трудовых функций деятельности педагогов. Сегодня имеется социальная потребность создания с системных позиций эффективной педагогической системы подготовки педагогов к грамотному использованию в педагогической деятельности нормативно-правовых актов, к решению сложных проблем с учетом динамично обновляющегося законодательства.

Полученные в ходе исследования результаты анализа фактического состояния процесса формирования нормативно-правовой компетентности позволили выявить круг методологических проблем рассматриваемой подготовки, решение которых актуализирует необходимость моделирования эффективной в условиях непрерывного образования педагогической системы.

Для обоснования эффективности разработанной инновационной модели на основе ее апробации на последующем этапе исследования были сформированы оценочные показатели с учетом рекомендаций, предложенных С. И. Змеевым [5].

Согласно схеме исследователя оценка пройденного студентами АГУ курса дис-

циплины «Нормативно-правовое обеспечение образования» с дальнейшим применением полученных знаний на практике и слушателями АРИПК курса повышения квалификации «Нормативно-правовое обеспечение образования и ФГОС» (для разных категорий предметников, включая педагогов-воспитателей) в общем виде включала пять блоков оценок: 1) оценивание себя, собственного прогресса, усвоенной системы знаний; 2) оценивание содержания курса; 3) оценивание уровня преподавания; 4) оценивание форм, методов и технологий учебной работы; 5) оценивание системы отношений» [5; 10; 11]. Именно в первом из обозначенных показателей была конкретизирована нормативно-правовая компетентность. По каждому из показателей были разработаны анкетные вопросы, измеряемые по критериям оценки, составляющими которой стали ценностно-мотивационная, когнитивно-содержательная, операционально-деятельностная, рефлексивно-волевая. Анализ полученных данных позволил обосновать выделенные методологические проблемы нормативно-правовой подготовки педагогических кадров.

3. Результаты исследования и их обсуждение.

Основными элементами педагогической системы подготовки педагогов к нормативно-правовой деятельности, анализируемыми при экспертной оценке, выступили: целепостановка, разработка содержания, инструментально-методическое обеспечение и организационно-управленческие условия. Каждый из них эксперты оценивали по определенным критериям.

По позиции целепостановки все эксперты признали безусловную актуальность подготовки педагогов к нормативно-правовой деятельности. Однако, между социальной востребованностью и практической реализацией подготовки педагогов

к нормативно-правовой деятельности обнаружилось существенные расхождения. Тому подтверждение ответы респондентов на вопросы относительно нормативно-правовой подготовки. На констатирующем этапе эксперимента при оценке состояния практики нормативно-правовой подготовки большая часть экспертов дала категоричную оценку (73 % – «частичное соответствие современным требованиям», 12 % – «полное несоответствие современным требованиям»). О размытости целевых ориентиров высказались эксперты, отвечая на вопрос об осуществлении в вузе подготовки к самообразованию в нормативно-правовой деятельности. То, что будущие педагоги получают только общие представления о саморазвитии в этой области, отметили 68 % экспертов. Около 16 % категорично отметили отсутствие у них знаний и умений. Полученные результаты по данной позиции позволяют заключить, что готовность педагогических кадров к нормативно-правовой деятельности не стала самостоятельным объектом системного целеполагания в условиях непрерывного педагогического образования.

По позиции разработки содержания большая часть экспертов оказалась неудовлетворенной ее состоянием. Около 78 % опрошенных отметили необходимость значительных изменений в содержании подготовки, а 18 % высказало мнение о формировании «с нуля» нового содержания. И лишь 4 % удовлетворенных состоянием нормативно-правовой подготовки, отметили, что содержание требует лишь локальных изменений.

Дальнейшие ответы несоответствие реализуемых образовательных программ решению задач нормативно-правовой деятельности из-за невозможности обеспечения формирования соответствующей компетенции на должном уровне. По полученным показателям в данной группе (до

78 %) содержание действующих программ слабо обеспечивает формирование нормативно-правовой компетентности. Наряду с этим, эта компетентность является ядром профессиональной готовности педагогических кадров к нормативно-правовой деятельности.

Следует отметить, что на втором месте у экспертов (73 %) среди причин недостатков в системе подготовки к нормативно-правовой деятельности стоит содержание образовательных программ, не обеспечивающее формирование соответствующей компетенции. Большая часть экспертов (77 %) положительно оценили потенциал дисциплины «Нормативно-правовое обеспечение образования» (с использованием метода case study) с дальнейшим применением полученных знаний на практике. Около 14 % посчитали его «достаточно высоким», а 67 % оценили как «значительное». Вместе с тем, эксперты отметили, что вклад дисциплины (как и других дисциплин учебного плана) возрастает при взаимодействии ее с реальной практикой нормативно-правовой деятельности, способствующей самопроектированию педагогом собственного профессионального и карьерного развития [12; 13; 14].

По позиции инструментально-методического обеспечения, применяемые образовательные технологии (методы, дидактические средства) слабо обеспечивают решение задач нормативно-правовой деятельности (81 %).

Среди причин существенных недостатков в системе подготовки к нормативно-правовой деятельности эксперты на четвертое место поставили образовательные технологии, не обеспечивающие формирование необходимой компетенции (68 %), и на шестое место – дидактические средства (58 %). Большая часть экспертов (76 %) положительно оценили потенциал интерактивного метода case study

для формирования нормативно-правовой компетентности. Дефицит дидактических эксперты обнаружили при анализе программ педагогической практики (68 %). Они констатировали, что предусмотренные программой практики задания слабо ориентированы на развитие нормативно-правовой компетентности.

Анализ полученных экспертных ответов позволил заключить, что фактическое состояние практики формирования нормативно-правовой компетентности требует усиления направленности применяемого педагогического инструментария.

По позиции организационного управления около 69 % экспертов, оценивая общую направленность нормативно-правовой подготовки, отметили создание условий в большинстве вузов и систем дополнительного профессионального образования (ДПО) для обсуждения рассматриваемой проблемы и совершенствования образования, и в тоже время почти 31 % оценил создание таких условий меньшей частью вузов и ДПО.

Очевидно, что организационно-управленческие условия призваны не только создавать предпосылки обсуждения актуальной проблемы совершенствования образования, но прежде всего, должны обеспечить практическую подготовку педагогических кадров к нормативно-правовой деятельности. Полученные результаты экспертной оценки и последующее обсуждение позволили проанализировать и эти организационно-управленческие аспекты нормативно-правовой подготовки педагогов.

Как показал проведенный анализ экспертных оценок и последующее обсуждение, осуществляемая в настоящее время подготовка педагогических кадров в системе высшего и ДПО к нормативно-правовой деятельности не спроектирована как эффективная педагогическая система.

Имеют место целевые, содержательные, операционально-технологические и организационно-управленческие методологические проблемы. Результатом их наличия является то, что педагогическая система не становится предметом целенаправленных скоординированных действий всего педагогического коллектива образовательной организации.

4. Заключение.

Проведенная работа позволила обозначить круг актуальных методологических проблем нормативно-правовой подготовки педагогических кадров в сфере высшего и дополнительного профессионального образования. Системный подход позволил рассмотреть эти проблемы относительно каждого элемента педагогической системы подготовки к нормативно-правовой деятельности. Этому способствовали результаты экспертной оценки и их обсуждение.

Полученные в целом результаты исследования позволили сгруппировать методологические проблемы нормативно-правовой подготовки педагогических кадров в сфере высшего и дополнительного профессионального образования в определенном соподчинении с учетом принципа непрерывности образования. Создание самой концептуальной модели данной подготовки явилось стержневой, вокруг которой стали обращены все четыре группы проблем. Это позволило рассмотреть методологические проблемы в определенном соподчинении.

Методологическая проблема целенаправленности связана с выделением цели подготовки педагогических кадров в сфере высшего и ДПО к нормативно-правовой деятельности и их согласованием на разных уровнях с учетом принципа непрерывности педагогического образования.

Проблема выделения педагогических целей предусматривает необходимость исследования структуры готовности к

нормативно-правовой деятельности с онтологических позиций, рассмотрев ее ценностно-смысловые ориентиры.

Проблема согласования педагогических целей предполагает соотнесение целей на разных уровнях высшего образования и ДПО. Готовность к нормативно-правовой деятельности должна разрабатываться по этим двум уровням образования. При этом разработка педагогических целей должна идти относительно процесса обучения методологии решения практических задач нормативно-правовой деятельности и технологии построения карьеры и саморазвития [10; 11; 13; 14].

Методологическая проблема разработки содержания предполагает решение задачи перевода нормативно-правовой компетентности в содержание дисциплины «Нормативно-правовое обеспечение образования» и другие предметы различного цикла. Это предусматривает определение реального потенциала дисциплины и предметов различного цикла в решении задачи подготовки педагогических кадров к нормативно-правовой деятельности. При этом следует нормировать потенциал предметов различного цикла с акцентом на соотношении необходимого и возможного, обоснование пропорций составляющей содержание теории и практики в нормативно-правовой подготовке.

Методологическая проблема инструментально-методического обеспечения связана с решением ряда задач: выделение развернутых характеристик состава и содержания, применяемых для формирования нормативно-правовой компетентности образовательных технологий; используемых форм, методов и дидактических средств деловой коммуникации при решении нормативно-правовых задач; создание банка данных используемого педагогического инструментария для быстрого вхождения педагогов в пространство нормативно-правовой деятельности.

Организационно-управленческая методологическая проблема предполагает решение ряда задач связанных с необходимыми организационно-управленческими и педагогическими условиями. В их число входят мероприятия, связанные с повышением квалификации самих преподавателей (взаимодействие систем высшего образования и ДПО), планированием нормативно-правовой подготовки (с учетом междисциплинарного взаимодействия), созданием информационно-образовательной среды для профессионального творчества и общения преподавателей между собой, мониторингом качества нормативно-правовой подготовки для своевременного получения информации о динамике процесса формирования соответствующей компетенции.

В целом, необходимость создания эффективной педагогической системы подготовки педагогических кадров к нормативно-правовой деятельности актуализировало решение четырех групп взаимосвязанных методологических проблем, ядром которого явилось моделирование: целепостановки, разработки содержания, инструментально-методического обеспечения и организационного управления. Такой подход способствовал целостному представлению о формировании нормативно-правовой компетентности в условиях непрерывного педагогического образования.

В заключении еще раз подчеркнем, что представленные группы методологических проблем имеют вид иерархической структуры, стержнем которого выступает концептуальная модель непрерывной нормативно-правовой подготовки педагогов. Решение методологических проблем ориентировано на создание модели эффективной педагогической системы подготовки педагогических кадров к нормативно-правовой деятельности.

Библиографический список

1. Аникина А. С. Формирование правовой компетентности будущего педагога с использованием комплекса профессионально-ориентированных правовых задач: дис. канд. пед. наук: 13.00.01 / А. С. Аникина. – Нижний Тагил, 2011. – 188 с.
2. Болотова Е. Л. Правовой статус педагога // Народное образование. – № 1. – 2010. – С. 52–63.
3. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. – М.: Учпедгиз, 1956. – 324 с.
4. Дорوفеев Г. В. Математика для каждого. – М.: Аякс, 1999. – 215 с.
5. Змеев С. И. Основы андрагогики: учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей. – М.: Флинта: Наука, 1999. – 152 с.
6. Коменский Я. А. Избранные педагогические произведения. – Т. 1. Великая дидактика. – М.: Педагогика, 1982. – 328 с.
7. Лазарев В. С., Мартирисян Б. П. Введение в педагогическую инноватику. – М.: Багира-2, 2015. – 306 с.
8. Лазарев В. С., Мартирисян Б. П. Нормативный подход к оценке инновационной деятельности школы // Педагогика. – 2003. – № 3. – С. 17–26.
9. Меретукова З. К., Чиназирова А. Р., Шехмирзова А. М. Статус знания компонента содержания образования в педагогических воззрениях // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. Выпуск 4 (188). – 2016. – С. 56–59.
10. Шехмирзова А. М. Опыт проектирования основной образовательной программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре // The Way of Science. International scientific journal – Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey», Volgograd, 2015. – № 4 (14), 2015. – С. 74–76.
11. Шехмирзова А. М. Профессиональный стандарт как основа методологического обновления содержания программ разноуровневого высшего образования // Education & Science – 2016: Материалы II Международной научно-практической конференции для работников науки и образования (15 августа, 2016 г.) / Научные редакторы: Е. А. Бобкова, Т. А. Магсумов, Я. А. Максимов. – St. Louis, Missouri, USA: Science and Innovation Center Publishing House, 2016. – 116 с. – С. 94–96.
12. Hall D. T. Career development in organization. San-Francisco: JosseyBas, London, 1986. – 366 p.

13. Super D. E. Toward a comprehensive theory of career development / In Montrose D. H., Shinkman S. J. (Eds). Career development: Theory and practice. Springfield IL: Charles C. Thomas, 1992. – P. 35–64.
14. Tiedeman D. V., Hara R. P. Career development: Choice and adjustment. New York: College Entrance Examination Board, 1963.
15. Tyunnikov Yu. S. Integral Assessment of Future Teachers Professional Preparation for Innovative Activity // European Journal of Contemporary Education. – 2013. – Vol. (5). – № 3. – p. 183–200.

© Шехмирзова А. М.,
Грибина Л. В., 2021.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
КАК КАТЕГОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

С. А. Слепцова

*Психолог высшей категории,
Частная практика,
ORCID 0000-0003-1208-5710,
e-mail: sleptsova-s@mail.ru,
г. Воронеж, Россия*

EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A CATEGORY
OF PERSONALITY PSYCHOLOGY

C. A. Sleptsova

*Psychologist of the highest category,
Private practice,
ORCID 0000-0003-1208-5710,
e-mail: sleptsova-s@mail.ru,
Voronezh, Russia*

Abstract. In the article, the author reveals the concept of emotional intelligence from a categorical position. Considers important historical moments of the formation of emotional intelligence as a separate unit in personality psychology. Concretizes the existing and most popular directions in the study of the emotional intelligence of a person. Identifies the most significant factors of human behavior, indicating emotional intelligence.

Keywords: personality psychology; emotional intelligence; intelligence; emotions; abilities.

Анализ научной и справочной литературы, а также исследование материалов общедоступных авторитетных интернет-ресурсов позволили нам выяснить, что история исследования эмоционального интеллекта в настоящее время всё ещё находится на стадии своего формирования. Это относительно молодое направление в данной области, берущее своё начало во второй половине XX века, даже, несмотря на то, что интерес к проблемам эмоциональной стороны личности исходит своими корнями к трудам философов древней Греции.

В современных исследованиях по проблеме эмоционального интеллекта отмечается, что основой понятия «эмоциональный интеллект» явилась концепция

социального интеллекта Дж. Гилфорда и Э. Торндайка (А. К. Кравцова, И. Н. Мещерякова, И. С. Степанов и др.) [6].

В 1920 году Э. Торндайк в своих работах использует термин «социальный интеллект», который раскрывается, как «способность понимать других людей и действовать мудро по отношению к ним» [8], тем самым косвенно указывая на эмоциональный интеллект.

Дж. Гилфорд в своей модели многофакторного интеллекта акцентирует внимание на важности невербального понимания собственного поведения и поведения других людей. Такой подход к изучению интеллекта положил начало для более глубоких исследований в области не-

вербальных способов оценки социального интеллекта [4].

Несмотря на активные исследования в области интеллекта, понятие «эмоционального интеллекта» как категории психологии личности, впервые прозвучало лишь в 1964 году в работе Майкла Белдока «Sensitivity to expression of emotional meaning in three modes of communication». А затем в 1966 году и в работе Б. Лойнера «Emotional intelligence and emancipation», тем самым указав новые направления в изучении социально-эмоциональной сферы психики человека.

Однако наиболее популярным термин «эмоциональный интеллект» стал только в 1990 году, после того, как американские психологи П. Саловей и Дж. Майер применили его для обозначения особого комплекса психических свойств, включающих умения анализировать и регулировать собственные чувства и эмоции, способность к эмпатии [7].

То есть, эмоциональный интеллект, с точки зрения, выше указанных учёных, рассматривается как одна из разновидностей социального интеллекта.

Значительным шагом в изучении проблемы эмоционального интеллекта стали научные работы Д. Гоулмена. В 1995–1998 годах в своих исследованиях эмоционального интеллекта он показал, что успех в жизни человека определяется такими особенностями его разума, которые обуславливают способности к самопознанию, саморегуляции, эмоциональному самовыражению, чуткому пониманию состояний других людей. Д. Гоулмен утверждает, что множество решений, которые приходится принимать человеку в своей жизни, становятся наиболее успешными в случаях, когда процессы выбора и принятия сопровождаются не только логическим анализом, но и имеют эмоциональную окраску, своеобразный «эмоциональный вес», ограничивая тем самым область

выбора в пользу оптимального решения. Отсюда, уровень развития эмоционального интеллекта влияет на уровень жизненной успешности человека [5].

Базовым компонентом эмоционального интеллекта Д. Гоулмен определяет такое качество личности, как эмпатия. Причём, эмпатия понимается им, как один из факторов выживания, врождённое свойство человека.

Таким образом, по мнению Д. Гоулмена, от степени развития эмпатии, как базового компонента эмоционального интеллекта, зависит умение быстрого и правильного оценивания ситуации и нужного реагирования на неё.

Исходя из этого, становится ясным, что «развитие эмоционального интеллекта имеет нередко гораздо более весомое значение, чем предполагали до этого ученые» (А. Б. Абибулаева, Г. А. Наби) [1].

Другими словами, умение взаимодействовать с окружающими (общение) имеет не менее важную роль в жизнедеятельности человека, чем уровень умственных способностей (коэффициент IQ), образование или практический опыт.

В работах И. В. Андреевой мы также находим, что эмоциональный интеллект (EQ) «является гораздо более важным фактором, который способствует успеху человека, чем «обычный» интеллект – IQ. Именно благодаря ему личность имеет возможность стать крупным бизнесменом, топ-менеджером и эффективным политиком» [2].

Проблема эмоционального интеллекта поднимается в ряде исследований таких отечественных и зарубежных учёных, как А. Б. Абибулаева, Д. Г. Наурзалина, А. А. Карабалина, Д. В. Люсин, В. В. Овсянникова, Т. А. Сысоева, Д.И. Матренин и многие другие.

А. Б. Абибулаева исследовала «связь уровня развития внутриличностного эмоционального интеллекта студентов, а

именно будущих социальных педагогов с проявлением низкого или высокого уровня академической прокрастинации» [1].

Д. Г. Наурзалина, А. А. Карабалина в своих исследовательских работах по развитию профессиональных сторон личности будущих психологов-педагогов доказывают, что эмоциональный интеллект является одним из условий формирования гармоничного специалиста.

Г. Г. Гарскова конкретизирует собственное понятие «эмоциональный интеллект и трактует его, как способность понимать отношения личности, репрезентуемые в эмоциях и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального синтеза и анализа» [3].

Эмоциональный интеллект, как отмечает М. А. Манойлова, «характеризуется как целостность, единство когнитивных, эмоциональных и регуляторных функций, отражает диалектическое единство аффекта и интеллекта в познании и деятельности», тем самым обеспечивая «успешность межличностного взаимодействия и личностное развитие человека» [7].

Х. Вайсбах и У. Дакс под эмоциональным интеллектом понимают «совокупность способностей, на которые опирается социальная компетентность, и как способность «интеллектуально» управлять своими эмоциями» [9].

В. В. Овсянникова и Т. А. Сысоева, в своей работе по исследованию эмоционального интеллекта как коррелята скорости переработки эмоциональной информации опирались на интегрированное определение эмоционального интеллекта. Они отмечали, что «изучение когнитивных коррелятов эмоционального интеллекта является важным этапом в понимании того, чем, в действительности, является эмоциональный интеллект и, каковы причины индивидуальных различий людей по этой характеристике».

Отсюда, можно заключить, что в психологии личности существует большое количество подходов, теорий и эмпирических исследований, характеризующих область изучения эмоционального интеллекта, поэтому становится ясным, что данная психологическая категория до конца ещё не изучена.

Конкретизируем существующие и наиболее популярные направления в изучении эмоционального интеллекта личности:

- эмоциональный интеллект раскрывается как когнитивные способности, связанные с переработкой эмоциональной информации;
- эмоциональный интеллект рассматривается как совокупность когнитивных способностей и личностных характеристик;
- эмоциональный интеллект характеризуется средствами некогнитивных способов познания и управления окружающей действительностью.

Необходимо отметить, что большинство исследователей рассматривают эмоциональный интеллект через призму индивидуальных особенностей личности, в частности, как специальные высшие интеллектуальные способности.

В нашей работе мы придерживаемся следующего определения: эмоциональный интеллект – это когнитивная «способность идентифицировать и выражать эмоции, управлять своими чувствами, мышлением и поведением», и, также, это возможность использовать чувство в качестве «движущей силы мысли и действия» (М. А. Майнолова, Е. С. Иванова).

Так как эмоциональный интеллект характеризуется нами как категория психологии личности, возникает вопрос: какие же факторы отличают человека с развитым эмоциональным интеллектом?

Обратившись к научно-исследовательской литературе (Л. В. Ла-

зарева, С. Ж. Зейнолла, Н. Г. Черкасова, М. А. Холодная, Е. М. Павлова и др.) и, проведя её анализ, мы смогли выделить наиболее значимые факторы поведения человека, указывающие на эмоциональный интеллект.

К ним относятся:

- во-первых, высокий уровень овладения социальными знаниями, умениями и навыками (например, развитые коммуникативные способности и высокий уровень ответственности за свои действия);
- во-вторых, устойчивая динамика развития высших эмоций и чувств: включение в сферу эмоциональных переживаний новых объектов, предметов, событий, людей; повышение уровня осознания, управления и контроля своих чувств; постепенное включение в нравственную регуляцию более высоких ценностей и норм – совести, порядочности, долга, ответственности и пр.
- в-третьих, способность реалистичного оценивания и позитивного принятия не только окружающей среды, но и себя, как личности (например, самокритичность и юмор);
- в-четвёртых, умение определять жизненные приоритеты и, в соответствии с ними, находить внутренние закономерности, цели и мотивы для успешной самореализации в социально неблагоприятных условиях.
- в-пятых, непротиворечивость ценностных ориентаций и их направленность на саморазвитие, самовыражение и самоэффективность;
- в-шестых, преобладание личностных качеств, позволяющих поддерживать чувство собственного достоинства на высоком уровне (например, самоуважение и положительная самооценка, устойчивая воля и настойчивость, развитая мотивация достижения успеха).

Резюмируя сказанное выше, необходимо добавить, что основное внимание

мы уделили непосредственно понятию «эмоциональный интеллект». Однако путь становления данной категории как самостоятельной единицы в психологии личности заложен в исторически важных для нашего исследования подходах и направлениях. Отметим некоторые из них: субъектно-деятельностный и системный подходы (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, В. С. Мерлин и др.); принцип детерминизма (С. Л. Рубинштейн); общая теория способностей (Б. М. Теплов, А. Анастаси, В. Д. Небылицын, В. М. Русалов и др.).

Библиографический список

1. Абибулаева А. Б., Наби Г. А. Некоторые особенности взаимосвязи феномена прокрастинации и развития эмоционального интеллекта будущих социальных педагогов // *Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития : сборник статей IV Международной научно-практической конференции*. Петрозаводск. – 2020. – С. 14–19.
2. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // *Вопросы психологии*. – 2006. – № 3. – С. 78–86.
3. Гарскова Г. Г. Введение понятия эмоционального интеллекта в психологическую культуру // *Ананьевские чтения: Тез. науч.-практ. конф.* – СПб. – 1999. – С. 212–119.
4. Гилфорд Д. Три стороны интеллекта // *Психология мышления* / Ред. А. М. Матюшкин. – М. : Прогресс. – 1965. – 525 с. – С. 433–456.
5. Гоулмен Дэниел. Эмоциональная компетентность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/bd/?b=667319>
6. Кравцова А. К. Влияние степени развития эмоционального интеллекта на эффективность управленческой деятельности в контексте организационной культуры // *Известия Саратовского университета*. – 2010. – Т 4. – №4. – С. 69–73.
7. Манойлова М. А. Акмеологическое развитие эмоционального интеллекта учителей и учащихся. – Псков : Псков. гос. пед. ун-т. – 2004. – 140 с.

8. Торндайк Э. Л. Процесс учения у человека / Э. Л. Торндайк; Пер. с англ. под ред. проф. С. Е. Гайсиновича и со вступ. статьями проф. П. П. Блонского и проф. С. Е. Гайсиновича. – М. : Учпедгиз. – 1995. – 160 с.
9. Шевырева Е. Г., Федосова И. В. Основные теоретические модели эмоционального интеллекта Бюллетень науки и практики. – 2016. – № 9 (10). – С. 264–269.

© Слепцова С. А., 2021.

УДК 314.04

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Р. У. Рахметова

*Доктор экономических наук, профессор,
e-mail: rakhmetova@rambler.ru,
ORCID 0000-0002-4079-244X,
Институт экономики
Комитета науки Министерства образования
и науки РК,
г. Нур-Султан, Казахстан*

DYNAMICS OF DEMOGRAPHIC STRUCTURE OF THE POPULATION OF KAZAKHSTAN

R. U. Rakhmetova

*Doctor of economic sciences, professor,
e-mail: rakhmetova@rambler.ru,
ORCID 0000-0002-4079-244X,
Institute of Economics of the Science Committee
of the Ministry of Education and Science
of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Kazakhstan*

Abstract. This article analyses the seventy-year demographic historical development of Kazakhstan as a whole in terms of the main indicators (fertility and mortality), it is noted that there have been significant changes and certain trends, compared with world trends. As a result of the dynamic analysis, changes in the structure of the age composition of the country's population over the years of independence are given, and a scientific explanation of the cause-and-effect relationships of these processes is given. This article is the result of research on the scientific project BR10965247 "Study of factors, characteristics and dynamics of demographic processes, migration, urbanization in Kazakhstan, development of digital maps and forecasts".

Keywords: fertility; mortality; age structure; demographic load; billetter index.

Анализируя семидесятилетнее демографическое историческое развитие страны в целом по основным показателям, можно заметить, что произошли значительные изменения, сформировались определенные тренды. С семидесятых годов прошлого века, по уровню экономического развития страны, стремление женщин детородного возраста учиться и получать образование, вовлеченность в деятельность и рост интереса к проживанию в городе привело к увеличению сред-

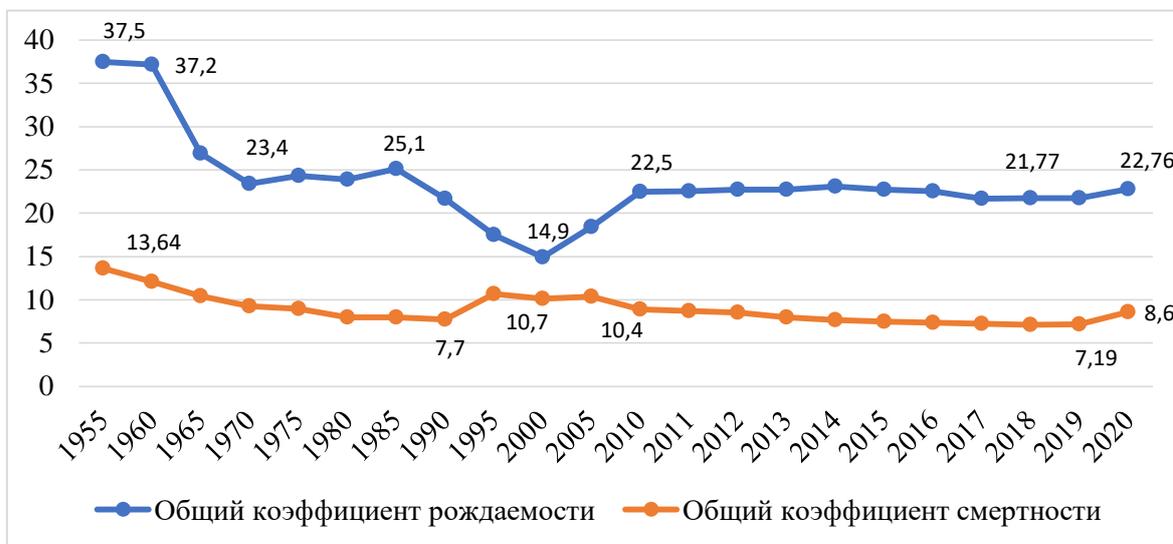
него возраста женщин, снижению рождаемости и потребности на ребенка в целом.

Тем не менее, со второй половины восьмидесятых годов, когда социальные проблемы были решены, общий коэффициент рождаемости повысился и в 1987 году достиг максимальной отметки 25,8 единиц. Далее в результате экономических изменений в стране, нарушения хозяйственных связей, а также трудностями первых лет независимости, рождаемость стала снижаться, и в 1999 году составила 14,6 единиц. Однако благодаря острой

стратегии Главы государства в 2008–2014 годах, коэффициент рождаемости вновь вырос и составил 23,1 единиц. К сожалению, в последующих 2015–2019 годах

тенденция рождаемости спала, в последствии этот показатель стабилизировался в пределах 22 единиц (рис. 1).

Примечание – на основе [1] данных рассчитано автором

Рис. 1. Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности в Казахстане за 1955–2020 годы

По сравнению с мировыми трендами наша страна по данным 2020 года [4] по значению общего коэффициента рождаемости занимала 81 место из 179 стран мира, а по суммарному коэффициенту рождаемости – 69 место, т. е. выше среднего, среди соседних стран Кыргызстан, который опережает нашу страну в данном рейтинге, заняв 61 место по двум вышеназванным показателям. Специалисты демографической статистики считают, что в стране нет демографической проблемы в сравнении с европейскими странами и демографическом коллапсе, так как за последние десять лет численность населения в Казахстане в среднем растет на 1,2 % в год.

Проблема демографии охватывает длительные периоды и требует глубокого

изучения. За последние семьдесят лет коэффициент рождаемости уменьшился на 42 %, а коэффициент смертности – на 49%. Например, в 1955 году общий коэффициент смертности составил 13,64, в 1990 году снизился почти вдвое до 7,7 единиц. Вследствие политико-экономических преобразований и экономического кризиса в стране в 1990–2005 гг. коэффициент смертности вновь поднялся до величины 10 единиц. Затем в 2005–2019 годы показатели смертности снизились, в том числе смертность из-за заболеваний системы кровообращения снизилась почти в два раза и в 2019 году составила около 7,19 единиц. А в 2020 году из-за эпидемии COVID-19 во всем мире этот показатель достиг уровня 8,6 единиц [5].

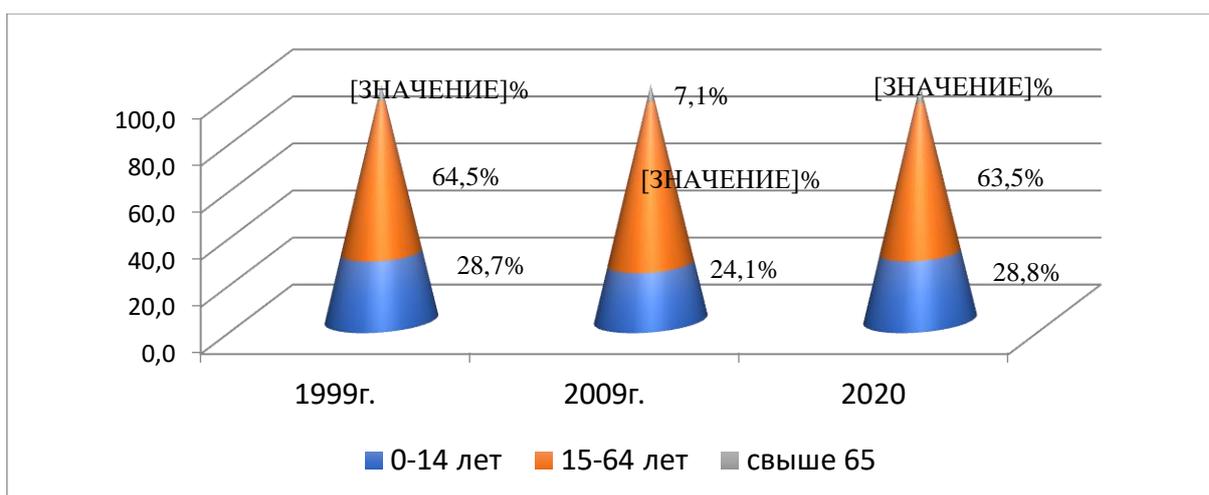

В целом известно, что обратная корреляционная связь этих двух основных показателей является залогом роста численности населения, поэтому снижение рождаемости и рост смертности в 1991–2001 годах не только не уменьшили численность населения, но и оказали большое влияние на будущее демографическое развитие страны. Это влияние может продолжаться до 2050-х годов, если не принять меры на государственном уровне. Однако волнующая нас тенденция последних десяти лет говорит о том, что рождаемость находится на стабильном уровне, а коэффициент смертности снизился на 18 %, обеспечив количественный рост населения Казахстана в целом на 1,2 %. В этой связи, учитывая специфику территориального развития Казахстана и плотность расселения в нем населения (от 3,2 до 2501 человека на 1 кв. км), для анализа данного вопроса следует остано-

вить на демографической ситуации, сложившейся в каждом регионе страны.

Изменение численности населения влияет на его возрастную структуру. Характеристика возрастной структуры общей численности населения представлена учеными по разной схеме [2]. В мировой практике (для стран ООН) и официальных статистических данных нашей страны рассчитывается путем деления на три группы по возрасту и трудоспособности. Нетрудоспособное население от 0 до 14 лет, взрослые трудоспособные от 15 до 65 лет и нетрудоспособные от 65 лет и старше (рис. 2).

На рисунке 2 видно, что в 1999 и 2020 годах доля молодежи была выше, чем в 2009 году, но если в 1999 году доля пожилых людей составляла 6,7 %, то в 2020 году увеличение до 7,7 % связано с увеличением продолжительности возраста населения.

Примечание – на основе [1] данных рассчитано автором

Рис. 2. Возрастная структура населения Казахстана, 1999 г., 2009 г., 2020 г.

Демографический показатель, характеризующий возрастной состав населения – индекс Биллетера – при расчете как

отношение численности населения в возрасте от 0–14 лет до 50 лет и старше к численности населения репродуктивного

возраста (15–49 лет), в промышленно развитых регионах, в частности в Караганде (-7,1), Костанайе (-20), Северном Казахстане (-25,5), Восточном Казахстане (-14,5), Павлодаре (-12,6) в 2018 году показал отрицательное значение. Из рисунка следует, что доля людей старше 50 лет превышает долю людей в возрасте от 0 до 14 лет, т. е. в этих регионах имеет место тенденция старения, что, в свою очередь, влияет на трудовые ресурсы экономики и тенденцию в сфере человеческого капитала [3].

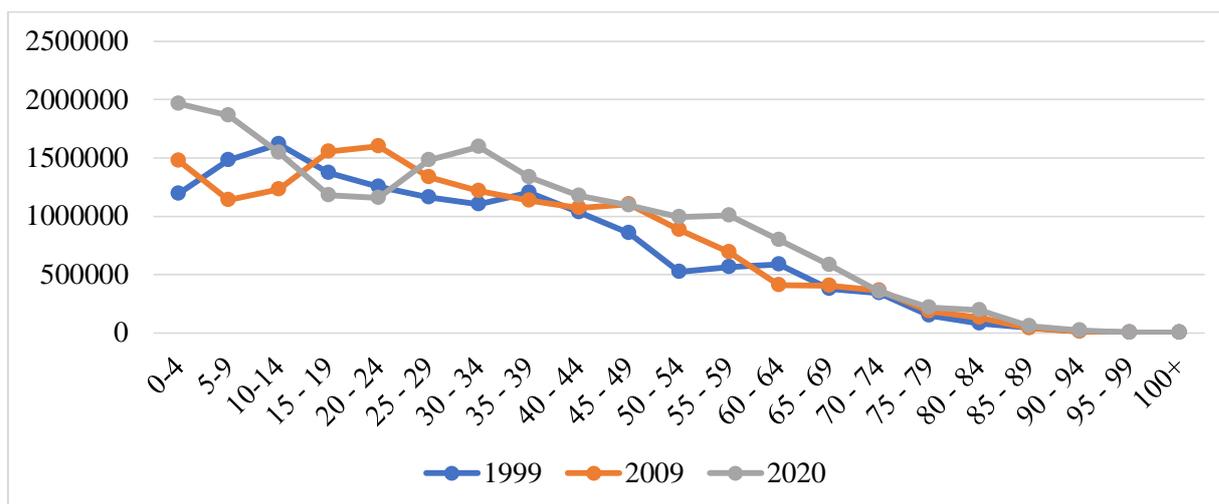
Если смотреть на демографическую нагрузку, то в 2020 году данный показатель по республике составил 713 единиц, а в 2009 году – 554. По регионам в 2020 году наибольшая нагрузка приходится на Южно-Казахстанскую (887), Мангистаускую (796) и Кызылординскую области (775), что обусловлено ростом показателей рождаемости.

В теории демографии установлено, что доля трудоспособного населения в два раза превышает долю нетрудоспособного населения, что определяет оптимальную величину демографической нагрузки. Величина демографической нагрузки дает противоречивую характеристику в двустороннем смысле. Высокая загруженность свидетельствует о росте показателей рождаемости и росте продолжительности жизни, что является положительным показателем в демографическом аспекте. Повышение этого показателя повышает экономико-социальную нагрузку для государства, то есть рост нетрудоспособного (увеличение детей и пожилых людей) населения создает социальную проблему и увеличение пенсионного воз-

раста населения в стране связано с ростом этого показателя.

В Казахстане, по словам специалистов-статистиков, ежегодный прирост населения в среднем на один процент исключает демографическую проблему. В нашем исследовании убеждаемся, что начало латентной демографической регрессии в вышеуказанных регионах обосновано в исследованиях отечественных ученых [6] и без принятия своевременных мер, эта тенденция приведет к депопуляции указанных регионов без возврата. Снижение рождаемости началось с 1988 года, так как самая высокая рождаемость была в 1987 году. Далее, в связи с изменением социально-экономической структуры общества, начался общий демографический регресс. Точнее, снижение интенсивности смены поколений началось с 90-х годов и эффект проявляется через одно поколение (в среднем через 27 лет). В нашей стране эту тенденцию можно наблюдать с 2009 года, к сожалению, если не принимать нужные меры, то последствия продолжатся до 2050-х годов.

Мы видим, что эти тенденции повлияли на возрастную структуру населения, согласно рисунку 3. В структуре численности населения в 1999 году наблюдалась тенденция к снижению до 14 лет, в 2009 году – наоборот, а в 2020 году эта тенденция к снижению продолжалась до 24 лет, что было последствием демографической стагнации 1991–2001 годов. Данное явление наблюдается и в возрастной структуре женщин, в целом отражает последствия демографического процесса в каждом году через одно поколение и имеет влияние на будущее.

Примечание – на основе [1] данных рассчитано автором

Рис. 3. Динамика возрастной структуры населения РК за 1999–2020 гг.

С 2009 года по 2020 год возрастная разница численности между сельским и городским населением увеличилась. В 2009 году в селе детей до 15-лет было больше, а потом резко возросла доля выбывших в город. В то время как в 2020 году увеличился переезд в городскую местность взрослого население старше 19 лет, максимальное значение переехавшего населения в возрасте 30–34 лет составил 446,4 тыс. человек (в 2019 году было 411 тыс.), тогда как в 2009 году эта величина составляла 147,9 тыс. человек. Официальные данные подтверждают, что миграция село-город продолжается.

Возрастная численность, например от 14–34 лет не соответствует доли рождаемости в городе в соответствующие годы. Если это так, сельская молодежь приезжает в город, чтобы получить специальность после окончания средней школы. Все специальные и высшие учебные заведения расположены в больших городах. Это одна из причин переезда из села в город лю-

дей в возрасте 15–19 лет. Вторая причина заключается в том, что молодые люди, получившие профессию, не имеют соответствующего рабочего места в селе, находят работу в том городе, где они учились и остаются. Из-за неразвитости инфраструктуры на селе, несоответствия молодежи другим требованиям времен глобализации, не прекращается процесс село-городской миграции.

В целом активисты социальной сферы и общества намерены решить проблему путем развития крупных городов, переселения безработного населения в город, что негативно скажется на стратегическом развитии страны и приведет к увеличению масштаба городов-трущоб. В связи с этим, с целью повышения демографической ситуации в стране, следует повысить интерес к селу через развитие сельской территории городского типа с развитой внутренней инфраструктурой, без ориентации населения в целом на крупные города.

Библиографический список

1. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК. <https://www.stat.gov.kz> (дата обращения 09.05.2021)
2. Демографическая статистика: учебник. – М. : КНОРУС, 2015. – 480 с.
3. Индекс Биллетера в регионах Республики Казахстан (дата обращения 05.07.2021)
4. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты // <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения 08.07.2021)
5. <https://www.coronavirus2020.kz> (дата обращения 07.06.2021)
6. Рахметова Р. У. Қазақстан аймақтарының демографиялық дамуы : монография. – Туран-Астана; Нұр-Сұлтан. 2020. – 230 б.

© Рахметова Р. У., 2021.

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable.

The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: PP-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example PP-German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proofread and edited.

Information about the authors

Family name, first name
Title, specialization
Place of employment
Position
ORCID
Contact address (with postal code)
Mobile phone number
E-mail
The required number of printed copies

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosfera@seznam.cz**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном по-

рядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид ПП-ФИО, например: **ПП-Петров ИВ** или **PP-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес с индексом

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2021–2022 ГОДАХ**

Дата	Название
1–2 декабря 2021 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2021 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2021 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2022 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2022 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2022 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2022 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2022 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2022 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2022 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2022 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2022 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2022 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
3–4 марта 2022 г.	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
15–16 марта 2022 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2022 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2022 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2022 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2022 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2022 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2022 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2022 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2022 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2022 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2022 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2022 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2022 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2022 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
15–16 мая 2022 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2022 г.	Текст. Произведение. Читатель
25–26 мая 2022 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2022 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2022 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2022 г.	Новые подходы в экономике и управлении

20–21 сентября 2022 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2022 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2022 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2022 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2022 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2022 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2022 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2022 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2022 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2022 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2022 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2022 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
7–8 ноября 2022 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2022 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2022 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2022 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2022 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2022 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2022 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none">• РИНЦ (Россия),• Directory of open access journals (Швеция),• Open Academic Journal Index (Россия),• Research Bible (Китай),• Global Impact factor (Австралия),• Scientific Indexing Services (США),• Cite Factor (Канада),• International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия),• General Impact Factor (Индия),• Scientific Journal Impact Factor (Индия),• Universal Impact Factor	<ul style="list-style-type: none">• Global Impact Factor – 1,721,• РИНЦ – 0,075.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США),• Cite Factor (Канада),• General Impact Factor (Индия),• Scientific Journal Impact Factor (Индия)	<ul style="list-style-type: none">• Global Impact Factor – 0,915
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США),• General Impact Factor (Индия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd

PARADIGMATA POZNÁNÍ

Interdisciplinární vědecký časopis

№ 4, 2021

Šéfredaktorka – Ilona G. Dorošina

*Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.*

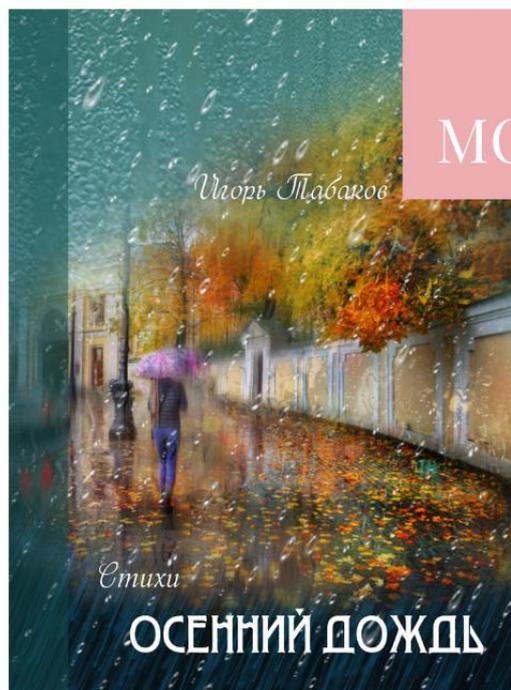
*Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations,
statistics, proper names and other information.*

Redaktorka – Ž. V. Kuznecova
Produkce – I. G. Balašova

Podepsáno v tisku 29.11.2021. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 8.
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
IČO 29133947
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

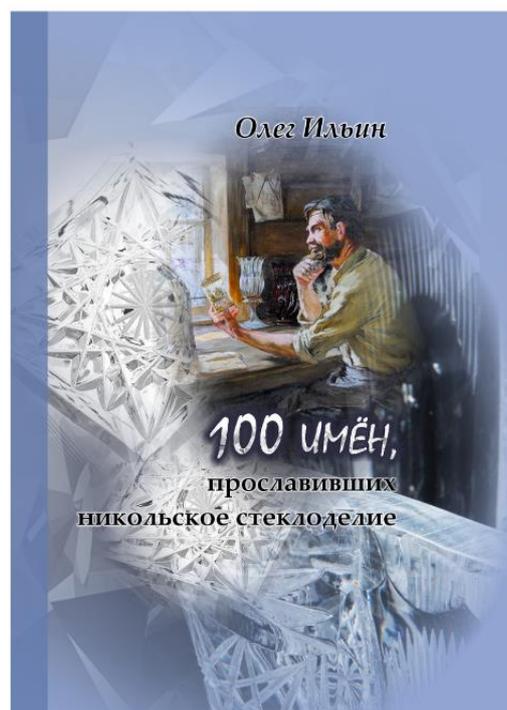
**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

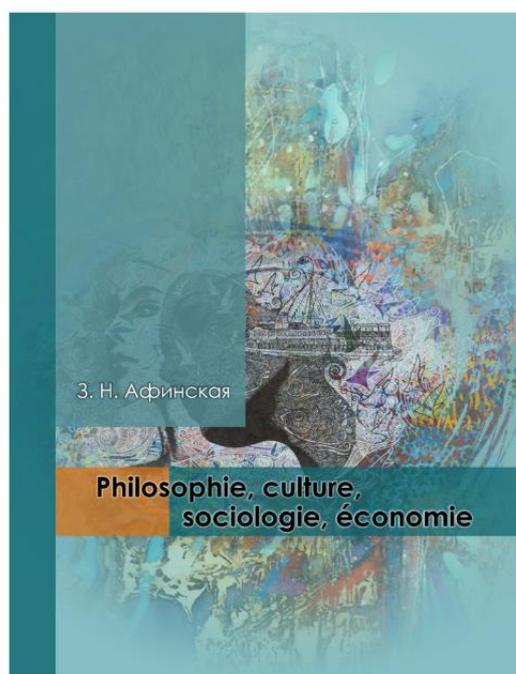
РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

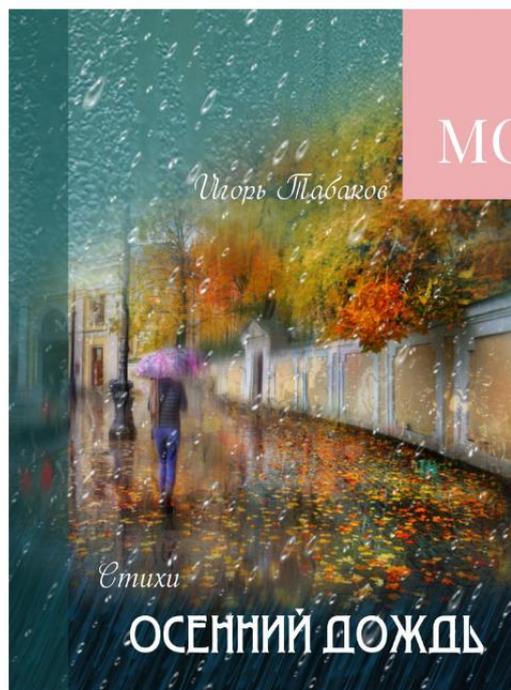

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

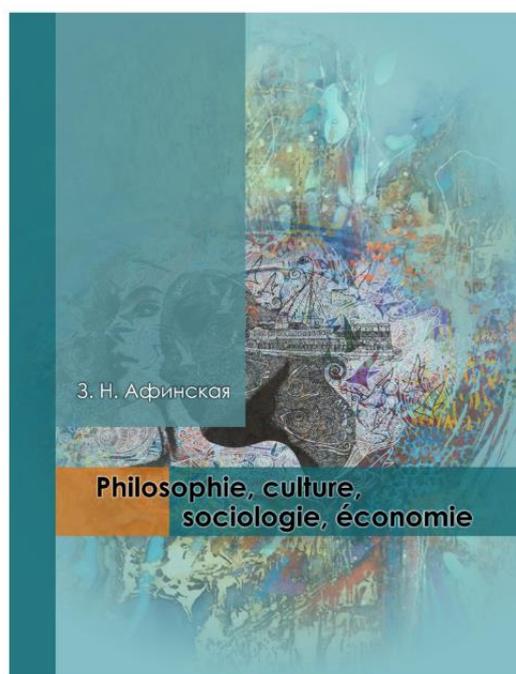
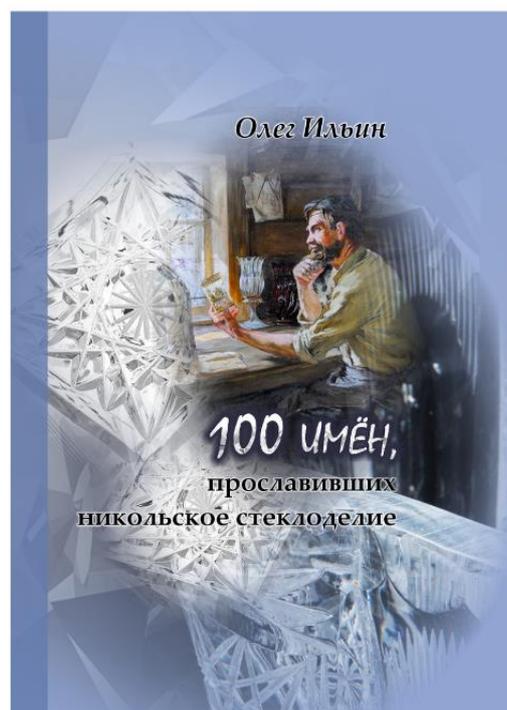
**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору